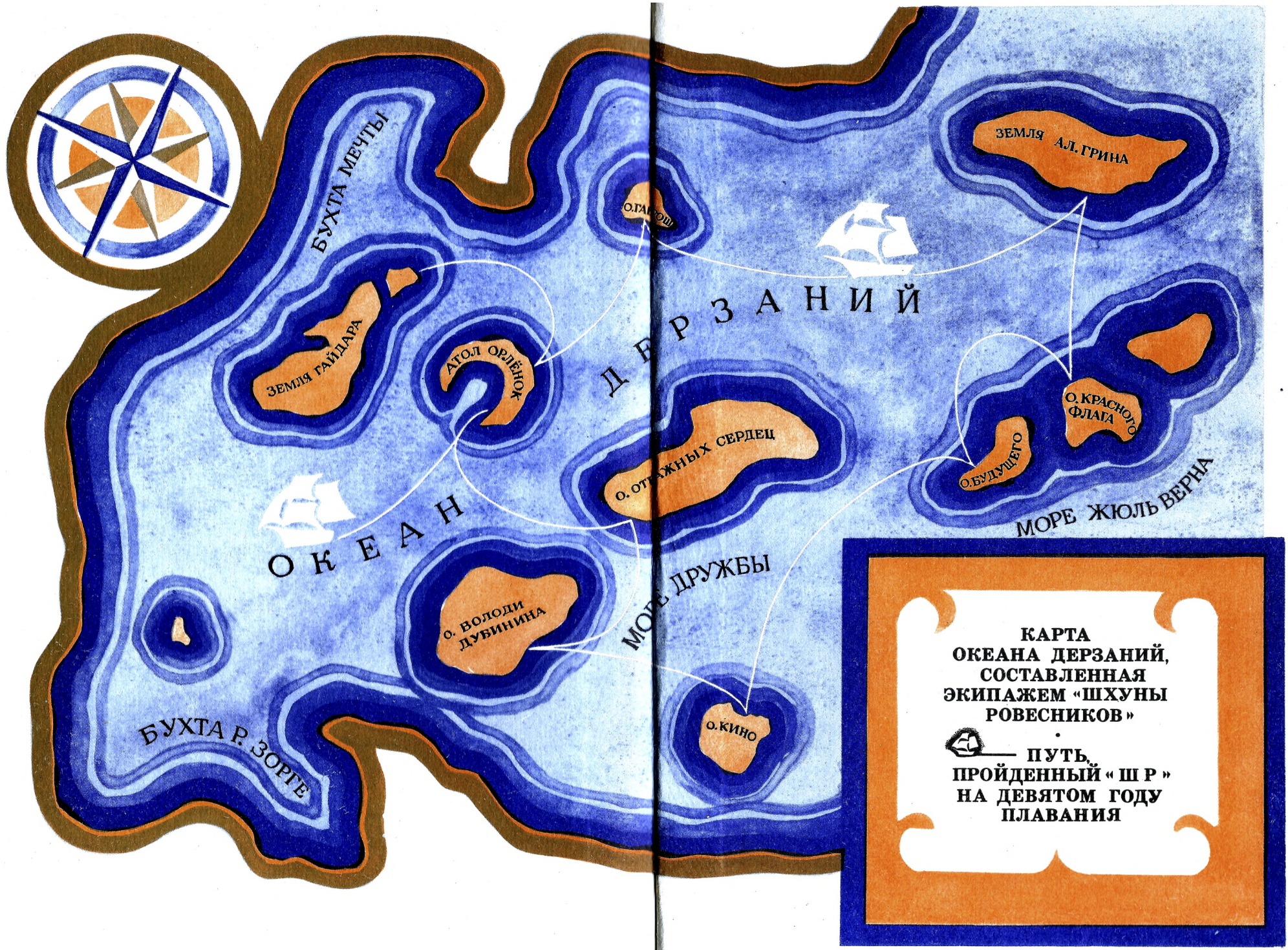

Цена 32 коп.

•

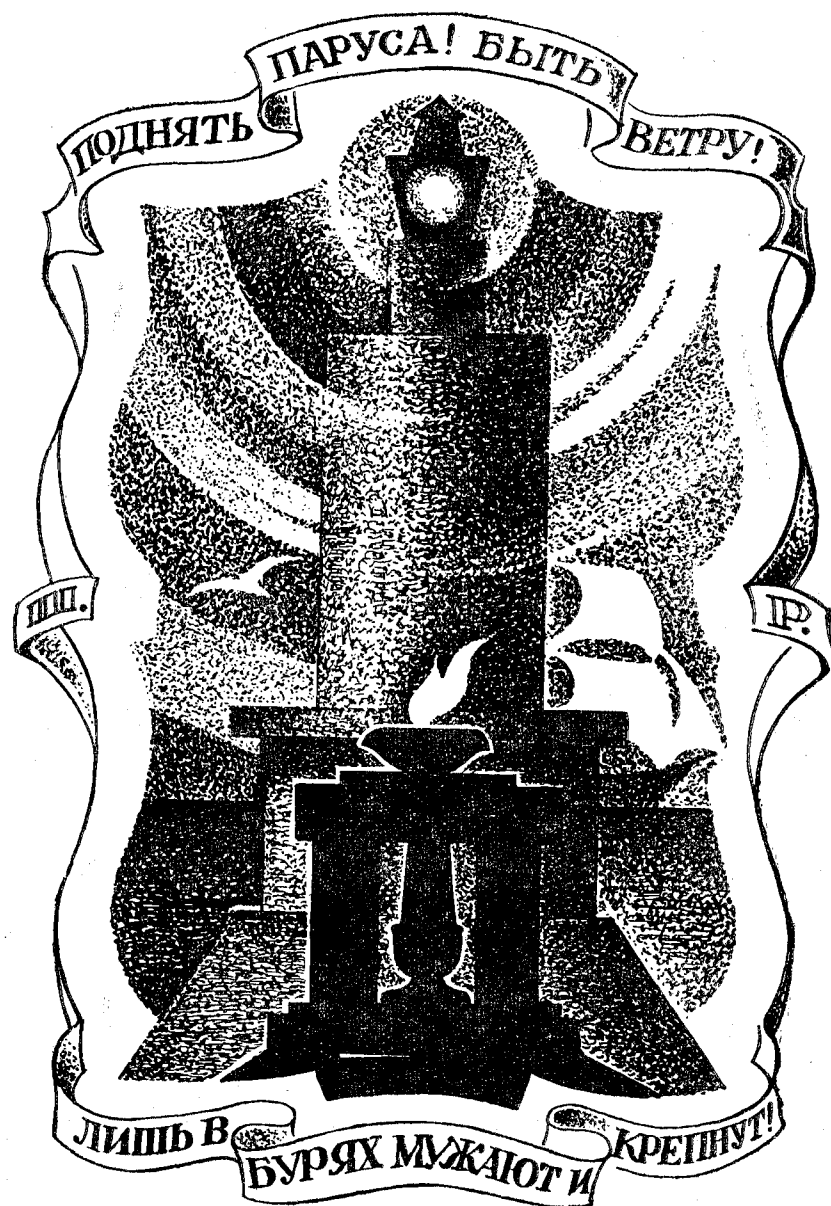
КОНСТАНТИН ПОДЫМА

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ,
«ШХУНА РОВЕСНИКОВ»!

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

•

**СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ,
„ШХУНА РОВЕСНИКОВ“!**

или

История

самого необычного

корабля

из всех, которые

когда-либо

швартовались

в НОВОРОССИЙСКЕ,

рассказанная

флаг-штурманом

КОНСТАНТИНОМ ПОДЫМОЙ,

дополненная

выписками из лоции

и судовых журналов

Оформление Е. Скакальского

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Есть на свете один необычный корабль. Порт приписки — Новороссийск, позывной сигнал — «Комсомол», так написано на первой странице его судового журнала. На борту веселая и озорная команда — новороссийские мальчишки и девочки.

Корабль называется «Шхуна ровесников».

А я — флаг-штурман этого судна. Был и капитаном и капитаном-наставником «Шхуны». Словом, плаваю с ребятами вот уже девять лет. Много видел, о многом хотел бы рассказать. Но вначале о том, как была построена «Шхуна ровесников», чей родной причал — газета «Новороссийский рабочий».

Однажды в редакции газеты решили выпустить страничку для школьников.

Журналисты подготовили несколько заметок, нашли фотографию, и получился первый номер.

Но самое главное — было в нем такое вот обращение:

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ
РОМАНТИКИ, ФАНТАЗЕРЫ, НЕПОСЕДЫ!
СЛУШАЙТЕ ВСЕ!
В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ
«ШХУНА РОВЕСНИКОВ».
БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ ПРЕДСТОИТ ЕЙ.
СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПОДОБРАТЬ КОМАНДУ.
ТОЛЬКО УГОВОР ОДИН:
РАВНОДУШНЫХ НА БОРТ НЕ БЕРЕМ.

И нытиков тоже, и зазнаек.

Пусть вспыхнет у нас не один спор. В спорах рождается истина.

Мы будем обсуждать здесь просмотренные кинофильмы, прочитанные книги. Пробовать свои силы в стихах, прозе, рисунках, фотографиях. И еще о многом-многом узнаем мы с вами и немало сделаем на борту «Шхуны ровесников».

Ну как, договорились?

А раз согласны, так тоже собирайтесь в путь!

Наша шхуна поднимает паруса...

Признайся честно, наш читатель: ты бы отозвался на такое обращение?

Конечно, отозвался.

И новороссийские ребята отозвались. Они пришли в редакцию городской газеты и вместе с журналистами стали два раза в месяц выпускать страницу для ребят. Бегали по школам юные корреспонденты, брали интервью, писали рассказы и стихи, обсуждали их сообща. Рисовали заголовки, эмблемы, заставки. Делали фотографии.

И раз в неделю собирались в редакции. В половине седьмого, в понедельник.

А время шло. И превратилась комната отдела писем в кают-компанию, сотрудник газеты, занимающийся с ребята-

ми, — в капитана, еженедельные встречи — в палубные сборы, а литературный кружок при редакции — в необычный клуб.

В нем занимались уже не только журналистикой, но и многими другими делами.

На одном палубном сборе обсуждали план будущего газетного выпуска, а на следующем — где достать настоящий судовой колокол — рынду.

— Нашли общее! — скажешь ты. — Журналистика и рында! Зачем?

— Как зачем? — возмутился бы любой курсант «Шхуны». — Да чтобы отбивать склянки!

Захотелось ребятам вдохнуть настоящего соленого ветра, покачаться на скрипучей палубе; вместо нарисованного в газете костра сесть у настоящего — дымного и яркого, печь картошку, петь до утра песни.

Захотелось большого дела, чтобы горело сердце и было жарко рукам. Не быть посторонними наблюдателями, не только писать о своих друзьях-сверстниках, но всегда быть с ними в интересных делах. И не рядом, а впереди!

С тех пор стала «Шхуна ровесников» молодежным клубом. И зажили ребята удивительной жизнью.

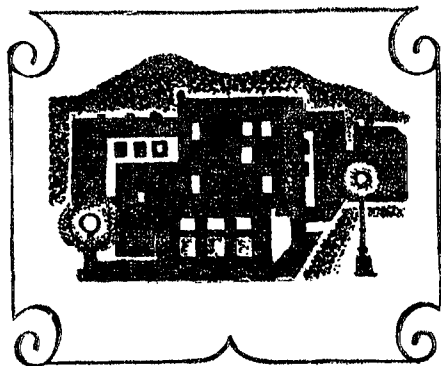
О ней я хочу рассказать в этой книжке.

Так ты готов к путешествию?

Застегни поплотнее бушлат, надвинь фуражку-мичманку по самые глаза!

А что предвещает барометр?

На барометре — «буря».

ГЛАВА ПЕРВАЯ, НЕМНОГО ТАИНСТВЕННАЯ

Ветер чуть не сбил меня с ног, когда я вышел из дома. В свете качающегося фонаря беспорядочно метались снежинки. Вокруг — ни души, ни огонька.

Ночь, половина четвертого. Весенние каникулы...

А снегу сколько! Еще утром было тепло и солнечно, как и положено в марте, а к вечеру на вершинах горного хребта показалась белая облачная гряда. «Борода» — называют ее новоросийцы. Точнее признака надвигающегося норд-оста нет.

Ночью ветер разгулялся вовсю! Пригнал снежные тучи, пахнуло холодом, и город закутался в белое вьюжное покрывало. В такую погоду у нас в Новоросийске школы не работают, а ребята сидят по домам и читают интересные книжки.

Сейчас на ночной улице бушует ураган, срывает крыши с домов, переворачивает вагоны, рвет провода...

Я отшатнулся. Рядом просвистела плеть падающего провода. Один задел за другой, и веером посыпались синие искры. Лучше-ка (от беды подальше!) сойти с тротуара на середину мостовой. Там спокойнее.

Не успел, однако, шагнуть, как растянулся прямо на скользкой дороге.

Ничего себе! Норд-ост плюс гололед!

Честное слово, плохо одному. Особенно в такой ураган. Плохо, когда некому тебе помочь, когда нет рядом друга, за чье плечо можно удержаться.

А каково сейчас кораблям? Болтаются на холодных свирепых волнах и покрываются тонким ледяным панцирем. В старину немало парусников погибло в нашей бухте, и хранит на дне своем она много жертв злобного ветра.

Сейчас пет кораблей в Цемесской бухте. Ушли за десять — пятнадцать миль от Новоросийска. Туда, где ветер послабее и море не так штормит...

Отвернул рукав бушлата, глянул на часы. Без десяти четыре! Не опоздать бы...

Обойдя поваленный набор газетный киоск, где еще днем покупал «Комсомолку», я свернул с главной улицы и направился к площади Героев. Там, у могил воинов, павших в боях за город, горит Вечный огонь. Издалека виден язычок пламени, отважно борющийся с непогодой. Не в силах жестокий норд-ост погасить живое пламя. И веет от него теплом, таким необычным в эту стылую ночь. Огонь выхватывает из темноты золотые буквы надгробий. Каждый час звучит скорбная мелодия, которую сочинил Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Он подарил ее нашему городу и назвал «Новоросийскими курантами».

Ветер шумит где-то в вершинах деревьев, и тихо гудит пламя.

Я огляделся. Вокруг — никого. Ну что ж, неудивительно. В такой ураган мало кто пойдет с нами... Здесь, у Вечного огня, должны были собраться ребята, живущие в центре города. А остальные в другом месте...

— С добрым утром! — слышится вдруг чей-то голос, и от скамейки, стоявшей в стороне от светильника и плохо видной в полутьме, отделилась фигура.

«Кто это?» — не сразу узнал я. Потом догадался:

— Сережка? Добрался-таки...

— А я не один, — заглушил ветер Сережа Гречихин.

Шапка-ушанка сидела на его голове как-то очень лихо. Блики огня скользили по лицу. Веснушки усеивали щеки и нос. Обычно серьезный и молчаливый, сейчас он задорно улыбался. Было ему всего лишь пятнадцать, и учился он в

девятом классе. Страстный фотолюбитель, Сэрежа всегда таскал с собой старенький «ФЭД». И сегодня что-то топорщилось под курткой. Не прийти он не мог: именно сегодня его должны зачислить в экипаж «Шхуны». Пока ведь он только курсант...

— Двенадцать баллов,— ликующе сообщил, подходя к нам, худощавый парень в кожаной куртке.— Порядок!

— Как обещал! — отрубил Гена Лашко.— Чтоб я испугался этого норд-оста? Никогда!

Вообще Гена парень что надо. До армии целых три года был в «Шхуне». Человек он беспокойный, всегда готов сорваться с места и ради «Шхуны» птицей лететь куда угодно. В 21-й школе каждый знал Генку Лашко. Его хватало на все: и на подготовку традиционного вечера «За честь школы», и на работу в кружках. Правда, не всем нравился его характер — немного резкий. Но Генка всегда говорил правду в глаза...

Я с беспокойством посмотрел на ребят.

— Не замерзнуть бы нам, братцы. Ну, Гена — человек военный, прошел сквозь огонь и воду, а вот ты, Сергей... Что-то твоя куртка не внушает доверия.

— Что ты! Олений мех! Попробуй! — И Сэрежка отогнул край куртки.

— Ладно-ладно, верю. Будем еще кого-нибудь ждать? Все-таки объявление в газете дали.

— Читал... — улыбнулся Гена.— Операция «Рассвет».

«...Ты хочешь подняться в горы на рассвете? Пройти вместе с нами по узкой тропе и встретить восход солнца?»

— А если дождь, а если снег? — скажешь ты. Ну и что? Ведь «Шхуна ровесников» никогда не дрейфила перед дождем или снегом...»

— И все же двенадцати баллов испугались,— сокрушенно заметил Сергей.— Сколько обещало прийти, а сколько нас? Где капитан, где помощник?

— Дмитриев болен, а у Шкуратова сегодня зачет,— начал я, но Лашко нетерпеливо перебил меня:

— Твое решение, флаг-штурман? Если по домам, то я не согласен!

Генка был категоричен.

— И я тоже! — решительно добавил Сэрежа.

— Да вы что? Неужели думаете, что я предлагаю возвращаться? Нас давно ждут.

— Кто ждет? — не поняли Гена и Сэрежа.

— Мы договаривались у порта... А раз договаривались — придут, ребята железные!..

Мы шли по заваленным снегом улицам. Их насквозь продувал норд-ост, насыпал сугробы, и пробраться через них было не так просто.

У перекрестка кто-то стоял.

— «Шхунатик»! — предположил Гена.— Кто еще в такую погоду выйдет из дома. Уж не Демченко ли это?

Точно! Это был Саша Демченко. Замотав шею шарфом, он стоял в своем коротком пальто на самом перекрестке и подпрыгивал на одной ноге, чтобы не замерзнуть.

— Будильник сломался! — виновато сказал он.— Чуть не проспал. Что-то долго вас не было... Думал, прошли уже...

Саша считался крупным специалистом-историком в своей сороковой школе. Не было ни одного сражения, даты которого бы он не знал наизусть. На уроках истории он тянул вверх руку, а учитель отмахивался: «Нет, Демченко, посиди. Ты это знаешь». Саша завел себе толстую тетрадь, в которую заносил все, связанное с Новороссийском, с прошлым города. Кроме того, он обожал малышей. И свое свободное время проводил с подшефными октябрятами.

Вчетвером стало нам веселее.

Шли по набережной. Море штормило, соленые брызги поднимались над бетонным парапетом. Пустынными были причалы...

— Где же твои «железные» люди? — ядовито спросил Генка.

Мы стояли у выхода на автомагистраль. Через полгорода протянулась ее лента, по которой днем нескончаемым потоком неслись машины. Сейчас машин не было. Именно здесь должны были ждать нас остальные «шхунатики». Впрочем, как ни вглядывались мы в предрассветную муть, никого обнаружить не удавалось. Лишь спустя несколько минут Сэрежа различил у стены общежития моряков, отстоявшего от нас на довольно большом расстоянии, две поникшие тени.

— Да вон же они! — обрадованно воскликнул Сергей.— У стенки, видите?.. Э-эй-эй, сюда! — Он пытался перекрыть гул ветра.

Тени, одетые в бушлаты, зашевелились, и спустя мгновение можно было понять, что двое ребят направились в нашу сторону.

— Ничего себе! Позже явиться не могли? — мрачно сказал, подходя к нам Володя Лебедев. Тускло горел неоновый фонарь, и в его мигающем свете смуглое Володькино лицо казалось зеленоватым, будто он превратился к ледышку. — Мы тут совсем заоченели...

— Привет, тезка! — высокий парень узнал Сережку Гречихина. — Ты тоже с нами?

— Отстал от жизни, Серега, — заметил я Сергею Давыдову. — Он не только с нами, но и празднует сегодня с нами свой день рождения. Имениник он.

— Поздравляю, сеньор, — сказал Давыдов и, сдернув серую каракулевую шапку, отдал церемонный поклон. Снежинки вертелись над русой его головой.

Гречихин в ответ прижал к груди перчатку и раскланялся.

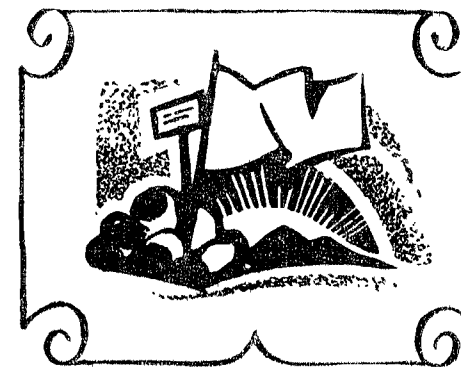
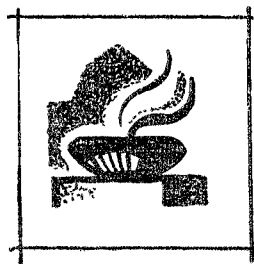
— Сережа, ты нарисовал?.. — прервал я торжественный церемониал.

Давыдов надел шапку и молча раскрыл передо мной свою сумку. В ней лежал полотняный сверток.

Давыдов у нас на «Шхуне» числился корабельным художником и так же, как Лебедев, учился в девятом классе, но Володя в восемнадцатой школе, а Сергей — в семнадцатой. Это не мешало им по-настоящему дружить. И то, что Володя задиристый и восторженный, а Сергей сдержанный и неторопливый тоже не разделяло, а сближало их. И мечты о будущем у них разные. Сергей думает стать художником, Володя — моряком...

— Что-то ни одной звезды не видно... — тоскливо сказал Володя. — А вообще — красота! Люблю, когда норд-ост!

Но разговоры сейчас были совсем ни к чему. Впереди у нас лежала тяжелая дорога.

ГЛАВА ВТОРАЯ, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ, КУДА МЫ ШЛИ

На окраине фонари не горели, хотя ночь еще не кончилась и до рассвета оставалось добрых два часа.

Мы шли по широкой автомагистрали — Сухумскому шоссе. Вдоль всего Черноморского побережья протянулось оно. Хорошо было думать о том, что в Сухуми сейчас цветут апельсины и шелестят пальмы... Все-таки весна, март...

Когда-то с киркой и лопатой прошел этой дорогой молодой Горький, строил Сухумское шоссе.

Три войны отгремело с тех пор.

В первую мировую город обстреливал немецкий крейсер.

В гражданскую стремительным «железным потоком» проходила через Новороссийск легендарная Таманская армия. И в восемнадцатом году по приказу Ленина затоплен здесь был Черноморский флот. Корабли опускались в волны, рвалась через открытые кингстоны соленая вода, а на мачтах реял сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Шестеро ребят шли мимо развалин Дворца культуры цементников. Чернели руины. Повисшая арматура, искореженные взрывом стены.

Дворец должны были торжественно открыть 22 июня сорок первого года... Но в этот день началась Великая Отечественная война. В первые же дни вражескими бомбами с воздуха красавец город был превращен в развалины... А сейчас скелет этого здания сохраняется как скорбное напоминание о войне.

И вот еще один суровый памятник того времени — железнодорожный вагон, поднятый на постамент. В дни обороны Новороссийска он стоял здесь, на линии фронта. Больше года стоял... Теперь это — остов вагона: более четырех тысяч пробоин в нем от пуль, осколков.

Здесь, у стен цементного завода «Октябрь», насмерть стояли наши воины. Они остановили врага, не пустили его на Кавказ.

...В глухой стене метели даже не угадываются склоны гор, где проходила линия фронта, где оцетинивалась огнем и металлом хваленая «Голубая линия», о «неприсутности» которой так много и надрывно вещало всему миру фашистское радио. И там, в горах, — остроголовая сопка. Форпост «Голубой линии». Гора Сахарная голова.

16 сентября сорок третьего года, после недели жесточайших боев, этот гитлеровский форпост пал под ударами советских войск.

И вот сейчас мы держим путь к Сахарной голове. На самую ее вершину. Туда, где рождается ураганный ветер. По правде говоря, даже в солнечную погоду подняться на Сахарную трудно. Полукилометровая высота, осыпи, узкие тропинки. Мы идем туда отнюдь не для веселенькой прогулки. Нет, «Шхуна» идет на Сахарную почти каждую неделю...

Вот и последние домишки окраины. Кончился город.

Впереди — темнота. Впереди — подъем в горы.

Тропа скользкая, крутая. Но идти сравнительно легко: вокруг кустарники, есть за что подтянуться. Ветра сейчас почти не чувствуем. Он шумит где-то над головой и всем своим ревущим потоком обрушивается на город.

Светаёт. Идем мимо карьера. Камни серые, с зеленоватым отливом. На них кое-где ржавые пятна и дыры от пуль...

— Держись, братва! — весело кричит Гена Лашко, вскочив на валун, преграждающий дорогу. — Вот оно и начинается!

Разорванные в клочья облака несутся над горным перевалом. Глухо стонет лес. Ветер пригибает к земле, сбивает

с ног, стремится опрокинуть, унести, швырнуть вниз... Стоять невозможно. Кое-как, цепляясь за траву, за промерзшую землю, ползем вверх. Колочий мороз щиплет щеки и уши. Снег бьет в глаза. И сверху и снизу — белая пелена. Ничего не видно даже в двух шагах...

А за перевалом — тишина. Ни одна ветка не шелохнется. До Сахарной головы отсюда уже совсем близко.

Бредем по оставшимся с войны траншеям. Ноги по колено в снегу.

Вот и вершина. Кучка серых камней и среди них — древко. На нем — остатки красного полотнища.

Это флаг-памятник. Его поставила «Шхуна ровесников» 12 марта 1967 года в честь советских воинов, павших в боях за Новороссийск.

«Автору песни «Бригантина» — написано на железной доске у флага. Это в честь поэта-бойца Павла Когана, погибшего у подножия Сахарной головы.

А я помню то время, когда на доске была другая надпись, оставшаяся после войны: «Проверено. Мин нет». В те дни «Шхуна» впервые пришла на Сахарную голову, чтобы отдать дань уважения героям, и тогда же было решено поставить красный флаг.

Много раз с тех пор побывали здесь наши ребята. Приходили, чтобы подшить или сменить изорванный ветром флаг. И стала вершина местом, где принимали самые ответственные наши решения, утверждали самые важные приказы, местом, где курсанты «Шхуны» становились ее матросами...

А что делает новый кандидат в матросы? Он выбирает точку съемки. Цепляясь за кусты, сгибаясь под ветром, Сережа наконец-то нашел подходящее место. Нельзя же быть на Сахарной и не сфотографировать флаг! К тому же, пока мы добрались до вершины, стало совсем светло. Гречихин вытащил из-за пазухи фотоаппарат, навел объектив на резкость, нажал на затвор. Щелчка не послышалось. Сережа перевел кадр, снова нажал на затвор. И вновь механизм не сработал. Ничего не поделаешь — мороз, даже «ФЭД» отказывает. Обидно, что ни одного снимка не получится.

Но горевать нет времени. Пока Сережа безуспешно пытался запечатлеть памятник, ребята уже построились, и начался палубный сбор.

Крепчает ветер, мороз — тоже, а мы стоим на самой вер-

шине и слушаем дрожащий голос курсанта Сергея Гречихина. Он читает присягу.

— Вступая в команду «Шхуны ровесников», я, будущий матрос, клянусь...

Говорит он суровые и торжественные слова, которые произносит каждый, кого принимают в «Шхуну», которыми до него клялись чуть ли не сто мальчишек и девчонок, и чувствует, что приобщается к чему-то большому и важному. Сергей Гречихин становится членом экипажа «Шхуны ровесников», он клянется жить интересной и кипучей жизнью...

Сережа чуть-чуть передохнул:

— А если я нарушу Устав или эту клятву, то пусть меня выполощут за бортом и спишут на берег. Рот Фронт!

И он поднял вверх сжатый кулак.

А дальше?

Сережа знает, что сейчас последуют слова: «Подтвердите свою верность «Шхуне»!»

Он и без подтверждения давно ей верен. Не только три месяца испытательный срок, но и гораздо раньше. Он был подвахтенным за три страницы «Шхуны», требовал от всех заметки и рисунки, был вахтенным командиром операции «Красные тюльпаны» (о ней ты, товарищ читатель, узнаешь немного позже). Делал для «Шхуны» снимки. Не раз поднимался в горы. Привел на палубный сбор друзей из своей двадцать второй школы.

Но традиция есть традиция.

— Товарищ курсант! Подтвердите свою верность «Шхуне»! — сурово произносит вахтенный командир Гена Лашко и смотрит на Сашу Демченко.

Тот вытаскивает из-за ворота пальто алюминиевую фляжку. Она испещрена выгравированными фамилиями всех ребят, принимавших клятву на Сахарной.

Сережа взял согретую Сашей фляжку, отвинтил колпачок.

Не морщась, пьет новый матрос соленую морскую воду. Сделав положенные три глотка, он возвращает фляжку, получает удостоверение и значок.

Нашего полку прибыло!

Сбор продолжается.

— Товарищи курсанты! Внимание!

Ветер вырывает листок из рук, Лашко отчеканивает каждое слово телеграммы, пришедшей из Москвы.

Телеграмма

Палубному сбору экипажа «Шхуны ровесников». При подъеме флага на Сахарной голове в честь бойцов, погибших в боях за Новороссийск, мы вместе с вами! Желаем палубному сбору равняться на доблесть, мужество, стойкость и отвагу героев!

Адмирал-наставник Холостяков.

Глашатай Левитан.

— Приготовить к поднятию очередное полотнище флага-памятника! — звучит команда.

Руки плохо держат молоток, гвозди выскальзывают... Но вот уже натянут на древко стяг. Звезда и якорь на нем. Постарался Сережа Давыдов, хорошо нарисовал.

— На флаг — смирно!

Традиционный ритуал начался.

Поднял Володя Лебедев древко, шагнул вперед. Забилось, затрепетало алое знамя, шумно заплескалось на ветру. Сделал Володя еще шаг и, борясь с ветром, укрепил флаг на самой вершине.

И вдруг, как в сказке, проглянуло солнце. Белым шаром висело оно в тумане. И еще ярче вспыхнуло пламя нашего флага...

Стоп, стоп! Прости, пожалуйста, дружище, но чтение придется прервать. Я забыл познакомить тебя с «Микроэнциклопедией «ШР». А без нее тебе многое может остаться непонятным. Итак,

МИКРО-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Адмирал-наставник — высшее звание командного состава «Шхуны ровесников».

Боцман — лицо командного состава, которому подчинена судовая команда по хозяйственным работам.

Вахтенный — курсант или матрос «ШР», проводящий палубный сбор и отвечающий за порядок и дисциплину.

Впередсмотрящий — член экипажа, ведущий в плохую погоду наблюдение из смотровой бочки.

Глашатай — лицо, объявляющее народу официальные известия.

Дневальный — курсант «ШР», отвечающий за чистоту кают-компании.

Звезда Гайдара — светильник, висящий в кают-компании «ШР». На красном фоне — пятиконечная звезда. Рядом — гильза от зенитного пулемета. В ней — земля с могилы Аркадия Петровича Гайдара, при-

сланная в Новороссийск из Канева.

Значок «ШР» — вручается после приема курсанта в экипаж. На «Шхуне» есть несколько значков. Их автор — наш большой друг, инженер из Рязани Геннадий Запивахин.

Капитан — командир «Шхуны». С 1968 года избирается раз в три месяца из курсантов и матросов «ШР», школьников Новороссийска.

Капитан-наставник — сотрудник редакции газеты «Новороссийский рабочий», руководящий делами экипажа «ШР» и отвечающий за выпуск страницы.

Капитанский мостик — место, где находится капитан-наставник, следящий за выходом в свет очередной страницы «ШР». (Типография в г. Новороссийске.)

Карта плавания — хранится в кают-компании «Шхуны». Раз в полгода штурман «ШР» отмечает на карте курс очередного плавания.

Кают-компания — помещение в редакции газеты «Новороссийский рабочий», место проведения палубных сборов.

Комиссар — почетная должность на «Шхуне». Член экипажа из командного состава.

Курсант — школьник Новороссийска (14—17 лет), приходящий в кают-компанию на палубный сбор. Становится членом экипажа (матросом) после трех месяцев испытательного срока и пяти восхождений на гору Сахарная голова.

Лоция — описание морей и побережий.

Лоцман — проводник судов, хорошо знающий фарватер.

Мандат — документ, удостоверяющий право курсанта или матроса участвовать в той или иной операции «Шхуны ровесников».

Механик старший — член экипажа, ответственный за работу двигателя.

Мичман — лицо командного состава «ШР».

Пассажир — каждый школьник Новороссийска, еще не участвовавший в делах «Шхуны» и не ставший курсантом или членом экипажа «ШР».

Почтамт «ШР» — рубрика в странице «ШР», в которой печатаются письма, приходящие на «Шхуну».

Рында — судовой колокол, отбивающий время начала палубного сбора «ШР». Находится в кают-компании.

Сахарная голова — одна из самых высоких горных вершин

в районе Новороссийска. Высота — 555,9 метра. Сложена из мергелевых пород, идущих для производства цемента.

Суджукский маяк — служит для ограждения мелководной части Цемесской бухты. Свет огня — красный. Стоит на бетонных колоннах-оболочках. Глубина моря в районе Суджукского маяка — 4—6 метров.

Судовой журнал — документ, в который день за днем заносится жизнь экипажа, а также отмечается путь, пройденный судном. Записи в судовом журнале могут делать только капитан и вахтенный. В случае гибели судна капитан обязан сохранить судовой журнал (для потомков).

Флаг-штурман — звание, присваиваемое капитану-наставнику после его схода с борта «Шхуны».

Штурман — специалист по вождению судов.

«Шхуна ровесников» — страница в газете «Новороссийский рабочий». Первый выпуск напечатан 5 ноября 1965 года.

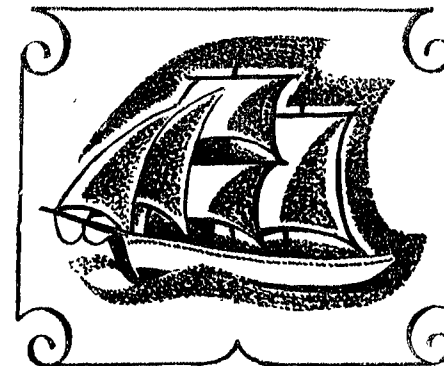
«Шхунатик» — шутовское прозвище, среднее между фанатиком и лунатиком. Употребляется в подходящих и совсем не подходящих случаях, вызывая то улыбку, то недоумение (последнее в основном у людей старше пятнадцати лет).

Экипаж «Шхуны ровесников» — состоит из школьников Новороссийска. Насчитывает 30 человек. Ребята занимают самые различные морские должности. Есть на «Шхуне» помощники капитана, рулевой, механик, моторист, судовой врач, кок, корабельный художник, начальник радиорубки, водолаз, матросы, юнги...

Но не только мальчишки и девочки входят в экипаж «ШР». В нем и взрослые люди, добрые старшие друзья новороссийских ребят. Адмирал-наставник — Герой Советского Союза, вице-адмирал Георгий Никитич Холостяков; глашатай — диктор Московского радио, народный артист РСФСР Юрий Борисович Левитан; штурман — Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Константин Константинович Коккинаки; комиссар — кинорежиссер Ки-

евской студии Евгений Фирсович Шерстобитов; впередсмотрящий — композитор Александра Николаевна Пахмутова; боцман — народный артист СССР Муслим Магомаев; старший механик — композитор Оскар Борисович Фельцман; мичман — народный артист СССР, актер Малого театра Виктор Иванович Хохряков; рулевой — заслуженный артист РСФСР Евгений Алексеевич Сущенко.

А ведут «Шхуну» по газетным милям лоцман и его помощники. Лоцман — редактор газеты «Новороссийский рабочий» Николай Данилович Кривошеин, первый помощник — Вячеслав Андреевич Попелыш (заместитель редактора), второй помощник — Зиновий Викторович Шкапенюк (ответственный секретарь), третий помощник — Ким Григорьевич Клейменов (заведующий отделом писем).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ О НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЕ СТАРШЕГО МАТРОСА ЛЕБЕДЕВА

— Володя! О чем задумался?

Лебедев поднял голову. У парты стояла Валентина Петровна.

Шел урок литературы, пятый и последний урок в девятом «Б». Валентина Петровна неторопливо рассказывала по классу...

А Володя в эти минуты был так далеко... Он сидел на парте у окна и иногда поглядывал на улицу. Со второго этажа открывался такой чудесный вид!

Дымили трубы цементных заводов, заволакивая белым облаком половину неба; над крышами домов высился огромный элеватор, где в сотне круглых башен-хранилищ лежало зерно; немного подалее горбились неуклюжие махины — портовые краны; и за ними синело море!

...В одно мгновение Володя оказался на берегу, вскочил в шлюпку, качающуюся у деревянного причала, отвязал цепь, вставил весла в уключины, ловко оттолкнулся и заскользил по воде.

А впереди его ждал корабль. Белый и стройный. Он то приподнимался, то опускался на гребнях волн. Корабль еще

не поднял паруса, и мачты казались издали тонкими, будто спичечными.

— Подождите! — крикнул Володя, лихорадочно работая веслами. — Подождите меня!..

— Ну, так что, Лебедев? — Валентина Петровна ждала ответа.

— Извините, — краснея, сказал парень. — Я...

— Ладно уж, — улыбнулась учительница. — Возвращайся из неведомых далей. — Она подошла к своему столу и закрыла тетрадь с планом урока. — А сочинения ваши жду в субботу. Не забудьте!

Класс шумно вздохнул. До субботы оставалось два дня, была весна, и днем ужасно не хотелось заниматься, да еще каждый вечер по телевизору — трансляция хоккейного чемпионата. Было от чего прийти в уныние.

А Володе тем более. Он еще даже и не придумал, о чем будет писать. Тему Валентина Петровна дала свободную. «Есть у меня друг...» Вечно она сочинит что-нибудь особенное.

От школы до Володькиного дома каких-нибудь пятнадцать минут ходу. Обычно он шел вдоль железнодорожного пути. Вьется у насыпи тропинка, грохочут мимо поезда, стучат колеса, гудят тепловозы, а ты идешь рядом и мечтаешь о далеких дорогах.

Щелкнув щеколдой, Володя открыл калитку.

Дома, как обычно в это время, никого. Отец и мать — на работе, братья — в школе, учатся во вторую смену.

Жарко дышала печь. На столе — кастрюля, прикрытая сверху подушкой. Что там? Ого, вареники!

Пообедав, Володя решил взяться за уроки. С физикой разделался быстро, а вот над алгеброй пришлось изрядно попотеть. Убедившись, что ответ задачи сходится с тем, что помещено в конце книжки, Володя успокоился.

Над уроками каждый день приходится долго сидеть. Стыдно учиться плохо — как-никак старший брат.

Младшие стремятся подражать ему во всем.

Володя — лучший чтец-декламатор школы, гордость Валентины Петровны, руководительницы драмкружка. И Серега учит по вечерам какие-то роли, а Коська зубрит басню для утренника... Но и Володя, если надо, всегда поможет братьям. Мало ли что бывает? Пример решить, правило растолковать или просто вместе помочь матери по дому.

Пора приниматься за сочинение. Не откладывать же на завтра!

Володя раскрыл ящик письменного стола, вытащил чистую тетрадку. Написал на первой странице название и снова задумался.

Так ли просто написать о своем друге? А если этот друг — не единственный. Если этих друзей много...

Конечно же, он напишет о «Шхуне». О ее ребятах. Они ему так помогли!

Прошлый год был для Володи невезучим. Ужасно любит спорт, занимался в секции бокса. На тренировке сломал руку... Володя глянул на черные перчатки, висящие на этажерке.

«О боксе и не думай!» — сказали врачи. Он это и сам понял, походив полмесяца в гипсе.

Когда выздоровел, записался на плавание. Три раза в неделю бегал в бассейн. А потом новый медосмотр и приговор врачей: «Что-то с сердцем плоховато. Очевидно, вам, молодой человек, вредно заниматься плаванием!»

Вредно так вредно, что поделаешь? В бассейн ходить перестал, а тут наступило лето. Разве удержишься? День-деньской на море, под жарким солнцем. Ну, и доплавался...

Начался учебный год, но только не для Володи. Положили в больницу. Совсем плохо стало парню.

Лежал, глядя на крашенные белой масляной краской стены, а на душе кошки скребли. Что же, конец мечте? Куда с таким здоровьем в моряки!

Если бы не «Шхуна», не представлял себе, что делал бы. Ребята навещали его часто и каждый раз подбадривали:

— Ну, что ты, Володька, нос повесил? Подумаешь — сердце! Не то еще бывает...

А Сергей Дмитриев, капитан, сказал:

— Это с возрастом пройдет. Поверь мне! Я ведь чуть что — в больницу! А теперь — нормально.

После встречи с ребятами Володя оживал. А лежать пришлось долго — месяц. Но он был в курсе всех новостей, знал все, чем занимается «Шхуна»: и о встрече «шхунатиков» с моряками парусника «Товарищ», и о том, как готовили ребята кинофестиваль в детском кинотеатре и, конечно, об очередных номерах своей страницы. Жаль, правда, что Володя не мог писать заметок. О чем напишешь в больнице? А здоровье тем временем шло на поправку.

Однажды в больнице появился Сергей Давыдов. Он нагнулся к Володе и шепотом, чтобы никто не услышал, сообщил совершенно секретную новость: готовится автопробег «Тачанка».

— Что-что? — спросил Володя.

— Поездка в Крым! Представляешь: мандаты на право участия в автопробеге будут вручать ночью! Прямо на пароме, плывущем через Керченский пролив! Мы же всю ночь будем в дороге! Форма участников — солдатские гимнастерки и буденовки!

— Вот это да! А автобус свой?

— Конечно! Батя уже договорился на заводе. Сам и поведет...

— Счастливые вы...

— Брось-ка ныть! — сказал Серега и передразнил: — «Счастливые»!.. А кто вахтенный командир, знаешь?

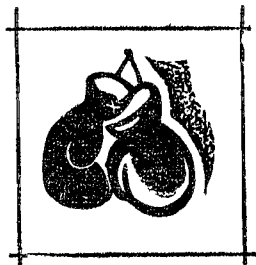
Что мог ответить Володя? Не видать ему этого автопробега. Больничная палата — место невеселое.

Серега устался на Володю и отчеканил:

— Вахтенный — ты! Понимаешь? Вот так. Тебе велено передать: пора старшему матросу отшвартовываться от больничного причала.

Даже сейчас, склонившись над начатым сочинением, вновь испытывал Володя чувство благодарности к ребятам. После прихода Сережи у него все пошло отлично. Через три дня его выписали, а через неделю — начался знаменитый автопробег.

Идея! В самом начале он напишет про то, как очутился в «Шхуне», про ее замечательных ребят. И про автопробег — обязательно!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, СОГРЕТАЯ КРЫМСКИМ СОЛНЦЕМ

Серая лента дороги бежала весело и торопливо. Оставались позади за колесами автобуса курортные поселки. Планерское, Шебетовка...

Нависала над дорогой каменная громада Кара-Дага, поднявшего к небу остроконечные пики своих вершин. Все ближе была цель путешествия — Судак.

Шумно было в стареньком, выдавшем виды автобусе. Ребята пели песни. Звенела гитара Толика Шкуратова. Уже сколько он ходит в «Шхуну», а только сейчас узнали все, что первый помощник капитана отлично и поет, и играет. Ох, Толик, Толик! Нехорошо зарывать талант!

С последнего сиденья раздавались взрывы хохота. Капитан «Шхуны», Сережа Дмитриев, веселил девочек. Он еле отпросился с работы. Как-никак — ученик жестянщика на мебельной фабрике. Окончил школу, но поступать в институт не стал. Решил поработать. И «Шхуну» не бросил. А тут его избрали в капитаны...

Не отрывалась от окна Таня Травкина — бортовой штурман. Она заносила в свой блокнот названия пробегающих мимо поселков.

Только Люба Виноградова молчала. Но это по обязанности. Ведь сегодня она не только помощник капитана, она еще — зав. секретной частью. В руках у нее — объемистая папка. Что там — знает лишь она и капитан.

В Судак приехали в половине четвертого, на несколько часов раньше намеченного. Вечером стали гостями судакских школьников: в Доме пионеров проходил КВН между девятыми классами.

После состязания веселых и находчивых Сережа Дмитриев начал рассказ о делах команды. А потом пригласил судакских ребят участвовать в палубном сборе.

— Не забудьте, сбор в шесть десять утра! — повторил Сергей.

Несмотря на ранний час в Доме пионеров было шумно. Непрерывно хлопала дверь, в зал входили новые и новые мальчишки и девчонки.

— Кого ждем? — раздавались нетерпеливые возгласы.

— Смотрите! Смотрите! — шепнул кто-то.

И вдруг все замерли.

На пороге стоял человек в голубой буденовке. Алая звезда горела на ней. На длиннополой шинели — красные нашивки. Будто он пришел из славного прошлого, из легендарного времени далекой гражданской войны.

Это был комиссар «Шхуны» Евгений Фирсович Шерстобитов. Он специально прилетел в Судак из Киева, чтобы принять участие в нашем автопробеге.

Теперь все были в сборе. Можно трогаться в путь.

До перевала ребят везли машины. А дальше надо идти пешком.

Шли по траве, переходили через овраг. Впереди встал невысокий холм. Но нелегко взобраться по его крутому склону...

На этом холме снимал наш комиссар свой фильм «Сказка о Мальчише-Кибальчише». Это место гибели отважного Мальчиша-Кибальчиша. Здесь лежал он в своей кумачовой рубаше и сухие травы касались его лица...

И назвала «Шхуна» это место Холмом Верности Родине.

Поднялись. Построились четырехугольником. В центре — командиры: капитан, комиссар.

Началась перекличка.

В настороженной тишине звучали имена павших юных героев: Павлик Морозов, Володя Дубинин, Витя Коробков...

Продолжая утреннюю поверку, капитан громко произнес:

— Аркадий Гайдар!

Тишина. И вдруг раздался голос Аркадия Петровича Гайдара, записанный в суровые дни сорок первого года перед самым его уходом на фронт:

Ребята! Беспреданно гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны. Это ваши отцы, братья, родные, знакомые идут на фронт. Туда, где отважная Красная Армия ведет с врагами бой, равного которому еще никогда на свете не было...

Остановились кассеты магнитофона. Замолк голос, пробившийся сквозь время. Голос человека, с именем которого так много связано на «Шхуне»...

— Военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Аркадий Петрович Гайдар погиб двадцать шестого октября сорок первого года, спасая боевых товарищей... — тихо произносит вахтенный командир Лебедев.

— Поднять флаг Мальчиша-Кибальчиша! — приказывает капитан.

На вершине Холма Верности Родине ветер с силой развернул огромное красное полотнище.

— К принятию клятвы — смирно!

Замерли все.

Из узкой коробки транзисторного магнитофона вырвался могучий голос:

«Солнцем, горящим и несгорающим, морем, бушующим и нестихающим, и вечно реющим красным флагом над нашей Родиной — клянемся!»

Высоко нести знамя Ленина, знамя революции, свято чтить память павших за наше счастье — клянемся!»

— Клянемся! — отвечают ребята.

Огнем бессмертия пламенеют звезды на их буденовках. А голос Левитана торжественно продолжает:

«В этот рассветный час поклянитесь же, товарищи Мальчиши, сердцами молодыми своими на верность нашей Родине. До последнего удара сердца, до последней капли крови стойте за нее, товарищи Мальчиши! Рот Фронт!»

— Рот Фронт! — отвечают ребята, подняв кулаки.

На «Шхуну» часто приходят письма. Из самых разных городов, от разных людей.

Некоторые помещены здесь.

Письмо из Москвы

Дорогие товарищи, матросы «Шхуны ровесников»!

Вы просите меня рассказать о встречах с Аркадием Петровичем Гайдаром. Просьбу эту могу выполнить лишь в самой малой степени: виделся с Аркадием Петровичем только один раз, правда, встреча эта запомнилась мне на всю жизнь.

В последних числах августа сорок первого зазвонил у меня телефон, и я услышал голос Г. С. Куклиса — главного редактора нашего издательства:

— Заходи, тут с фронта приехал Гайдар. Познакомимся, поговорим.

Вмиг я был в комнате у главного редактора и увидел Аркадия Петровича. Был он в военной форме, в темно-защитной командирской гимнастерке с гладкими петлицами без знаков различия. Удивил он меня своей подтянутостью, собранностью, грустными и озабоченными глазами.

Познакомились, разговорились. В те дни у нас начала выходить «Военная библиотека школьника» — книга на военные темы, рассказывающая ребятам о войне, о том, как надо себя готовить к военному делу.

Поделился я с Аркадием Петровичем и нашей главной задумкой — выпустить для ребят «летучим дождем брошюр» слово о войне крупнейших советских писателей.

— Вы хотите, чтобы я написал тоже? — спросил Аркадий Петрович и замолчал, о чем-то задумался.

И мы замолчали. Мысли все о войне, о тяготах ее, которые испытывают на себе и взрослые, и дети. Как важно сейчас, чтобы ребята слышали голос любимого писателя, старшего друга, вооружились его советом, поддержкой...

Неожиданно Аркадий Петрович стал пояснять свою мысль, будто продолжая уже что-то сказанное:

— Они приходят к нам и не знают, чем заняться. Они отважны, они хотят бить врага, но не владеют винтовкой, не умеют бросить гранату. Не знают, как стрелять из миномета. Смотришь — молодой, крепкий парень. А он ждет, пока ему объяснят, как забраться в блиндаж. Да что там — он даже не знает, как поставить винтовочный прицел. Всему этому надо учить. Учить до того, как попадет на фронт. В окопе учить чаще всего бывает поздно. Здесь должна помочь листовка, книга. Должна помочь ваша «Военная библиотека».

Стало ясно, что он, только что приехавший с фронта из-под Киева, видел этих отважных, но еще неумелых ребят и прекрасно знает, что именно им сейчас нужно.

Мы попросили Гайдара написать несколько строк для нашей «библиотеки», но он отказался — нет ни минуты времени.

Впрочем, он готов помочь нашему начинанию. Позавчера он был на радио, там его записали и попросили выступить еще. Текст он подготовил, но боится, что выступить уже не успеет.

С этими словами Аркадий Петрович передал мне несколько сложенных вчетверо листков.

— Вот вам материал для сборника, может, подойдет.

Это было ставшее впоследствии знаменитым обращение Аркадия Гайдара к молодежи «Берись за оружие, комсомольское племя!»

«...Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою. Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груди земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел. Потом за-

курил и сказал: «Здравствуйте все, кто есть слева и справа».

Поняв, что ты начал не с того, чтобы сразу просить помощи, что тебе не нужно ни военных нянек, ни мамок, тебя полюбят и слева, и справа...»

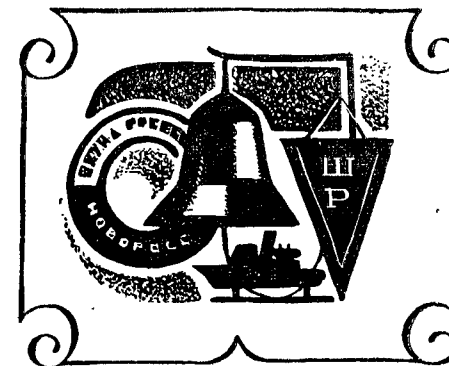
На следующий день Аркадий Петрович возвращался в осажденный Киев.

Поздней осенью в ноябре сорок первого года мы подписали к печати маленькую книжку для детей. Называлась она «Советским детям». В ней были статьи Алексея Толстого, Ванды Василевской, Самуила Маршака, Янки Купалы, Ильи Эренбурга. Завершало эту книжку обращение Аркадия Гайдара «Берись за оружие, комсомольское племя!»

Прошло еще несколько дней, и книжечка эта, напечатанная на желтой бумаге, в серой плохонькой обложке, увидела свет. Но мы тогда еще не знали, что Аркадия Петровича уже нет в живых — 26 октября на Украине у села Леплява в неравном бою с врагами, спасая друзей-партизан, он пал смертью героя.

Б. КАМИР,
заместитель главного редактора
издательства «Детская литература»,
заслуженный работник культуры РСФСР

ОТ ФЛАГ-ШТУРМАНА. Этот рассказ Бориса Исааковича Камира мы напечатали в странице «Шхуны», посвященной памяти Аркадия Петровича Гайдара.

ГЛАВА ПЯТАЯ, ЗОВУЩАЯ НА ПАЛУБНЫЙ СБОР

Был весенний вечер, и в старом одноэтажном здании, стоящем на самом углу неширокой зеленой улицы и сквера, ведущего к морю, светились лишь два узких окна.

Сотрудники редакции «Новороссийского рабочего» давно разошлись по домам. Приближалось время палубного сбора «Шхуны», и Саша Демченко боялся опоздать.

Он подошел к редакции, поднялся по невысоким ступенькам. В комнатах было темно, Саша двигался почти на ощупь. Пройдя по длинному коридору, остановился у двери, нужной ему.

Комната, именуемая кают-компанией, была ярко освещена. Длинная и тесная, она была целиком заставлена старыми шкафами. Висела между окон хорошо надраенная рында, над ней — спасательный круг с надписью на белом фоне красными буквами: «Шхуна ровесников». На красной половине круга белыми буквами обозначен порт приписки данного судна — «Новороссийск».

На стене флаги, изодранные ветром, поблекшие от дождя, снятые с Сахарной головы. Рядом — стенды с фотографиями членов экипажа, последний выпуск «ШР»...

Вдоль стен стулья, в середине большой стол. На нем вахтенный журнал, красно-синяя повязка дежурного и боцманская дудка. Здесь обычно восседал командный состав.

Но сейчас никого не было.

— Ничего себе! — удивился Саша. — Половина седьмого, а пусто... — Он шагнул вперед.

— Эй, кто тут? — раздался голос непонятно откуда, и Саша, вздрогнув, оглянулся.

Позади — никого. Тогда он задрал голову и увидел на лестнице, стоящей у двери, парня. На левом рукаве его темной рубашки поблескивал якорь, говорящий о капитанских полномочиях. Саша чуть-чуть побаивался капитана: Сергей Дмитриев был человеком строгим, подтянутым, любил дисциплину и точность.

Сейчас он стоял на лестнице и зачем-то водил кисточкой по огромной, во всю стену, карте.

— Ты что там делаешь наверху? — удивленно спросил Саша.

— Как что? Провожу пройденный курс... Вот и все... Подержи-ка, — сказал Сережа, протягивая баночку с красной гуашью. — Порядок!

— А где «шхунатики»? — спросил Саша.

— Сколько времени?

— Пятнадцать седьмого.

— Что-то нет первого помощника... — забеспокоился капитан. — А он сегодня очень нужен...

— Толик? Я его у техникума видел, — вспомнил Саша. — Сказал, что придет...

— Отлично! — обрадовался капитан, пряча в ящик стола гуашь и кисточку. А потом решительно произнес: — Вот что! Будешь сегодня вахтенным.

— Да я же только третий раз... Курсанты разве имеют право?

— Имеют, имеют! Бери повязку, надевай дудку, раскрывай журнал...

— А что потом?

— Когда ударю в рынду, подашь сигнал. Посвистишь. И выступишь всех. Рапорт сдашь.

— Я же не знаю, что говорить! — испугался Саша.

— Да ты не волнуйся, все просто. Вначале дашь команду: «По порядку номеров рассчитайся». Затем подойдешь

ко мне, отдашь салют и скажешь: «Товарищ капитан! На палубе выстроено столько-то человек. По уважительным причинам отсутствуют...» Знаешь почетных членов команды?

— Знаю, — покосившись на стенд, сказал Саша.

— Вот и отлично. В конце скажешь: «Рапорт сдал вахтенный командир, курсант такой-то». Теперь — действуй! — Сергей прислушивался к шагам, доносящимся из темного коридора.

— Салют! — появляясь на пороге, поздоровался Толя Шкуратов. — Ну, как дела? — У Толика удивительно добрые глаза, большие и серые.

— Что-то народу нет, — нахмурился капитан.

— А все на лавочке у редакции. Ждут половины седьмого.

— Ладно, пусть ждут, — сказал Сергей. — Мы пока тут с тобой наметим рабочее расписание палубного сбора. Вот вахтенный...

— Ты сегодня? — Толик улыбнулся Саше.

Новоявленный вахтенный переспросил:

— А что такое «рабочее расписание»?

— У моряков так принято, — объяснил капитан. — Что-то вроде плана — когда что делать. Расписание работ. Или расписание вахт... У нас тоже. Ясно?

— Понял! — кивнул Саша.

— Володя Лебедев не придет, — сообщил Толик. — Репетиция какая-то или соревнование. Толком не понял... Что-нибудь важное, кэп?

Они отошли в сторону, и ответа капитана вахтенный не расслышал.

Толик Шкуратов очень нравился Саше. Было в нем что-то притягивающее. Именно Шкуратов «виноват» в том, что Демченко стал курсантом «Шхуны». Однажды Толя пришел на вечер в сороковую школу и так зажигательно выступил, так интересно рассказывал о «ШПР», что Саше захотелось вступить в эту команду. После вечера он подошел к Анатолию, робко спросил:

«А мне к вам... можно?» — «Чудак! — сказал Толя. — Конечно! Прямо в понедельник и приходи...»

В кают-компании начали появляться ребята. Вахтенный заносил их фамилии в судовой журнал, а мальчишки и девчонки усаживались вдоль стен.

Многих Саша знал, а особенно хорошо тех, с кем две

недели назад ходил на Сахарную: двух Сереж — Давыдова и Гречишина, — Гену Лашко...

Не раз Саша читал в «Шхуне» заметки Ларисы Нестеркиной. Она сидела у окна, листая большой блокнот. Лариса была радистом на «Шхуне», училась в десятом классе и всю готовилась в институт. Сейчас даже в «Шхуну» стала ходить реже.

Немного знал Саша и Сережу Корнева, сидевшего рядом с Ларисой. Он тоже кончал школу в этом году, но решил стать не журналистом, как Лариса, а физиком. Сколько лет получал первые премии на городских олимпиадах! Водолаз «ШР» Корнев был знаменитым человеком: он водрузил самый первый флаг на Сахарной. На стенде снимок — Корнев стоит на вершине у огромного полотнища.

Посмотрев на часы, капитан ударил в рынду. И тогда вахтенный просвистел в свою дудку.

Запинаясь и краснея, Саша отдал рапорт.

А когда все уселись снова, начался разбор последней страницы «Шхуны ровесников» в газете: какие там материалы самые лучшие, какие самые худшие. Потом Лариса читала свой репортаж из школьного музея.

После нее девочки — Саша видел их впервые — читали свои стихи. У одной из них, Лены Ласкаревой, стихи вполне подходящие. Решили напечатать их в «Шхуне».

— И это все? — возмутился капитан. — Репортаж и стихи? А что еще будет в газете?

Ребята зашумели.

Саша сидел на месте вахтенного и наблюдал.

Не так просто, оказывается, решить, о чем написать. И о таком, что будет интересно не одному лишь тебе.

— Забыли рубрику! — встал Сергей Корнев. — Была у нас одно время, а потом пропала: «Твое увлечение».

— Что предлагаешь? — поинтересовался Дмитриев. — Из своей пятой школы? О ком?

— И не о школе вовсе. Я хотел бы о ребятах из секции подводного плавания. У нас в бассейне свои чемпионы. — Корнев и сам был чемпионом города, только не любил об этом говорить.

— Отлично! — сказал капитан, записывая предложение водолаза. — А что еще?

— «Телетайп «ШР»! — подсказал Гена Лашко. — Штук семь информашек по пять — десять строк...

— Поручим всем курсантам! — обрадованно решил капитан. — Нас много, вот каждый и расскажет о самом интересном событии! С кого начнем? Тихо, тихо! По кругу!

— У нас в семнадцатой вчера вечер был... — несмело сказала Нина Скисова.

— Интересный вечер?

— Скука...

— Хорошо! — обрадовался капитан. — Об этом и напиши. Почему было скучно.

— Напиши, напиши... — недовольно заметил Толя Шкуратов. — Только этим и отделаться? А вот давайте возьмем и проведем в той же семнадцатой свой вечер! Давайте, а? Что, разве «Шхуна» не может провести вечер?

— Прекрасно! — поддержал капитан своего помощника. — Это вполне по силам!

— Подождите! — сказала Нестеркина.

Все уставились на Ларису. А она, держа в руке листок бумаги, начала читать:

— «Я учусь в девятом классе двадцать первой школы. Мне очень понравилась статья «Мысли вслух», которую я прочел в «Шхуне». Там говорится о свободном времени школьника, о его хобби. Мне очень понравилось предложение автора побольше проводить в школах разных конкурсов. Мне кажется, что это правильно! У себя в классе я организовал конкурс на лучшее исполнение туристских песен. Ребятам это очень понравилось! Спасибо «Шхуне» за помощь! Валерий Несмелов».

«Шхунатики» оживились.

— Слушайте! — медленно, растягивая слова, сказал капитан. — А ведь Валерий Несмелов подал «Шхуне ровесников» очень дельное предложение! Как считаете?

— Городской конкурс? — с полуслова догадался Шкуратов.

— Только, наверное, не туристских...

— Военно-патриотических! — предложил Корнев.

— По всем школам — отборочные вечера!

— В конце — большой городской вечер-концерт!

— В жюри — впередсмотрящего!

— Призы — пластинки с автографами певцов и композиторов! — со всех сторон сыпались предложения.

— А в следующем номере «Шхуны» дадим условия конкурса... — решил капитан.

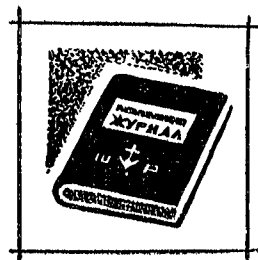
Так и договорились о том, что́ будет в новой странице: сообщение о конкурсе «Шхуны», репортаж из музея — Ларисы Нестеркиной, зарисовка о парне-пловце — Сергея Корнева. Демченко тоже расхрабрился: предложил свои заметки вожакого. И это было очень интересно!

Главное дело закончено. Тогда капитан попросил погасить свет.

— Зачем? — тихо спросил вахтенный.

— Так положено. Традиция.

Дмитриев поставил на стол маленькую гильзу с фитилем, зажег. Такие светильники освещали когда-то блиндажи и госпитали. А теперь фронтовая коптилка зажигается на «Шхуне», когда капитан прощается с командой...

ИЗ УСТАВА «ШХУНЫ РОВЕСНИКОВ»

I. Шестьдесят слов о «ШР»

«Шхуна ровесников» — то, без чего не могут жить отчаянные, мечтающие о кипящих буднях, живущие интересами комсомола, города, страны.

Члены команды «Шхуны» — все, кто любит море, чтит традиции «ШР» и, как пламя в груди, несет романтику Революции, романтику «Бригантины».

ДЕВИЗ:

Поднять паруса! Быть ветру!
Лишь в бурях мужают и крепнут!

БОЕВОЙ КЛИЧ:

Смело и бодро вперед!

ПРИВЕТСТВИЕ:

Ротфронтровский салют.

II. На «ШР» существуют:

РАДИОРУБКА

(поддерживает связь с городами и членами команды).
КУБРИКИ.

«Грин» — группа разведчиков интересного (необходимы люди, готовые пойти куда угодно «ради нескольких строчек в газете»).

«Тюбик» — нужны люди, обладающие неиссякаемой выдумкой и... мольбертом.

III. Финансы

«Шхуна ровесников» — безгонорарная страница в газете. Деньги одного номера переводятся на лицевой счет «Шхуны» и расходуются по решению совета «ШР».

IV. Законы и традиции

1. Каждый школьник Новороссийска (14—17 лет) — пассажир «Шхуны ровесников». Войдя в ее кают-компанию для участия в палубном сборе, он становится курсантом.

2. «Сначала сделай — потом напиши» — это закон юн-коров и наш закон.

3. Переступая порог «ШР», сделай шхуновский взнос: стихи, рисунки, заметки, песни, рассказы, фотографии.

4. Каждый курсант обязан нести вахту на палубном сборе, вести судовой журнал, отмечая мели, неизведанные земли, курс, состояние моря, а также быть дневальным и подвахтенным.

5. Курсант! Прими на вершине Сахарной головы морское крещение — испей чашу моря. И ты станешь членом команды «Шхуны» при условии, конечно, если ты пять раз поднимался на эту вершину.

6. Если член экипажа без уважительной причины отсутствовал на трех палубных сборах, он списывается на берег.

7. Провинившийся не выходит «сухим» из воды — он попадает в «Мокрый шкот».

8. Если «Шхуне» необходимо принять особо важное решение, она держит курс к пику Дерзких — Сахарной голове.

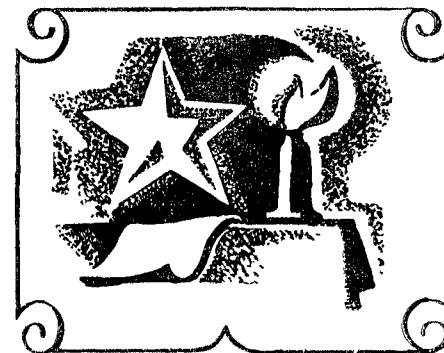
9. Все, что ты увидел, почувствовал, понял здесь, запиши в дневник, лежащий у подножия флага-памятника.

10. Как клятва всем павшим за Родину звучат слова «Бригантины», когда «Шхуна» отдает швартовы.

11. Уехавшие из Новороссийска члены экипажа не выходят из состава команды — они переселяются на береговой маяк «ШР».

Утвержден советом «ШР»
(Приказ № 390 от 6 ноября 1972 г.)

Вершина горы Сахарная голова

ГЛАВА ШЕСТАЯ, КАК ВЫБИРАЮТ КАПИТАНОВ

Задержавшись в типографии, я наконец-то выбрался в редакцию. Пройдя по темным комнатам, подошел к кают-компании. Легонько тронул за плечо сидящего у двери Сережу Давыдова, и он подвинулся, дав мне место.

Кают-компания была полна народу. Зыбкий свет выхватывал из темноты ребячьи лица, и было в них столько загадочного и таинственного... Может быть, от тревожного огня коптилки, а может быть, от хорошей песни.

Вон у окна сидит суровый капитан Сергей Дмитриев, художник и фантазер. И рядом — его помощник, мягкий и деловой Толик.

— Ну вот, — начал капитан, — самое главное, что я хотел вам сказать. Ухожу я. Хоть и не прошло три месяца... Пора выбирать нового капитана.

— Почему? — спросил Гречихин.

— Причина? — потребовал ответа Корнев.

— Причина железная! — И Дмитриев пояснил ее коротким, как приказ, словом: — Флот.

— Тебя на флот берут? — оживился Корнев. — Вот это здорово!

— Три года... — сказал Шкуратов.

— Костя, — шепнул мне на ухо Сережа Давыдов, — а кого в капитаны?

— Не знаю...

Тем временем Дмитриев докладывал, что сделал за свое капитанство.

— А как ты в «Шхуну» пришел впервые? — неожиданно спросил Корнев.

— Мне в школе сказали, что «Шхуне» нужен человек, умеющий рисовать. Я пришел. Рисовал заставки, эмблемы... А ты как здесь очутился? — задал Сергей контрвопрос своему тезке.

— Я?... — смутился Корнев. — Просто взял и пришел...

— Ну, Сережка, память тебя, кажется, подводит! — засмеялся Гена Лашко. — Тебя же мать привела! Забыл?

— Да он тогда еще в пятый класс ходил! — пришел я на помощь Корневу. — Чего смеетесь? И вообще что за цирк, если решаются такие важные дела? У меня вопрос к капитану. Вахтенный, разрешите?

— Пожалуйста, — торопливо сказал Демченко.

— Так вот, Сергей, если по-честному: тебе «Шхуна» дала что-нибудь или нет? Как ты считаешь?

— Ну конечно же... — сказал Сергей и задумался. — Само собой...

Ну конечно же, «Шхуна» ему многое дала!

Раньше совсем не умел спорить. И вроде бы парень не стеснительный, а трудно приходилось, когда надо было что-то доказать. Сейчас — будь здоров! На палубных сборах так спорит, что потом горло болит.

Попробуй-ка убедить, что рассказ плохой, если автор стоит на своем...

И еще... Самое, пожалуй, главное!

Научился он не только придумывать, но и добиваться! Хотела «Шхуна» завязать дружбу с экипажем какого-нибудь танкера. Поговорить поговорили, да этим и могло все кончиться... А Сергей написал в пароходство и договорился. Теперь у «Шхуны» есть свой шеф — танкер «Великий Октябрь».

А кроме того, стал Сергей разбираться в людях. Это ведь тоже не просто! Глянет на человека и определит, нужный он «Шхуне» или нет. Ведь на палубный часто приходят новички-пассажиры, и не все потом остаются в команде, не все

приходят даже второй раз. А Сергей сразу видит: это наш человек!

Как-то даже поругался со всей командой. Принимали на палубном мальчишку из шестой школы. Вроде бы парень ничего. На Сахарную ходил? Ходил. Заметки писал? Писал. Кто «за»?

— А я против! — сказал Сергей. — Ненадежный он какой-то. И вообще...

Что это за «вообще» он так и не смог толком пояснить.

Парня приняли в экипаж, дали ему должность радиста. Только не пробыл новоиспеченный радист в «Шхуне» и двух недель, исчез с горизонта. Да не просто исчез...

Пришли все в час ночи к цементному заводу «Октябрь» — проводили очередное восхождение.

— А где флаг? — спросил капитан.

Флаг должен был принести радист.

Только ни радиста, ни флага не дождались.

— Подумаешь! — сказал на палубном не явившийся ночью радист. — Ну, мать не пустила. Я-то что? А флаг он ваш — вот, что ему делается?

— При чем тут флаг? — возмутился Дмитриев. — Дело совсем не в флаге. В тебе дело. Предупредить не мог?

— А дождь был, — сказал радист. — Кто знал, что вы попретесь? И вообще скучно у вас. Я-то думал: вы делом занимаетесь...

Короче, с того сбора только его и видели...

Капитанский сбор шел своим чередом.

— Кого вместо меня? Предлагаю Шкуратова! — твердо сказал Сергей. — Он справится. Толик — парень толковый.

Даже в полусумраке было заметно, как смутился «толковый парень».

— А что, разве не так? Ты, Толик, не скромничай... Ну, чем не капитан? Заметки пишет? Пишет! Эмблемы рисует? Рисует! Операции проводит? Проводит! На Сахарную лазит? Сколько ты там был? — обратился Дмитриев к Шкуратову.

— Двадцать два.

— Ну вот! — продолжал Сергей. — Что еще надо для капитана? Умеет всех сплотить. Помните, когда готовили «Тачанку»?..

Демченко с интересом следил, как разворачиваются события.

— Развел ты, Серега, канитель, — вдруг заметил Кор-

нев.— И так знаем, что Толик — парень классный. Чего тянешь? А вахтенный почему бездействует?

— Голосуй,— вполголоса сказал Сергей Саше.

— Кто «за»? — спросил Демченко.

«За» были все.

Толя видел, как «Шхуна» голосовала за него, и было ему и приятно, и чуть боязно. Оправдать бы, не подвести ребят. Надо с головой окунуться сейчас в шхунатские дела. Правда, он и не был никогда в стороне от них, но сейчас ведь капитан!

С того самого первого похода в поселок Южную Озереюку, место страшных боев, того похода, названного операцией «Десант», когда ребята ходили от дома к дому и расспрашивали жителей о событиях войны, стал Шкуратов страстным и горячим «шхунатиком».

Только вот времени ему не хватает. Учеба в техникуме, занятия в художественной студии... Но ничего.

Что бы придумать такое? Страницу в газете надо сделать невероятно интересной. А то порой скукота страшная.

Привести в порядок кают-компанию, подновить карту. И что-то надо предпринять с новым набором в «Шхуну». Раньше как делали? Писали письма в школы, просили секретаря комсомольской организации прислать в «Шхуну» своего представителя. Ну и присылали, конечно. Походит парень раз, другой, а потом не понравится ему и исчезает на веки вечные. Другое дело, когда ребята приходят сами. Или друзья приведут, или самим захочется увидеть «Шхуну» и посмотреть, чем эти «шхунатики» занимаются. Такие пассажиры чаще всего и остаются. Становятся курсантами, потом матросами.

А если снова послать по школам «шхунатов»? Пусть они с ребятами поговорят и тогда обязательно кого-нибудь приведут... Сделаем!

Что еще? Думай, капитан! Теперь ведь ты в ответе за свой корабль...

— В воскресенье — на Сахарную! Будешь принимать клятву,— сказал Дмитриев.

— Сходим.— Толя облизал пересохшие губы.— Форма одежды походная?

— Как всегда...— Сергей наклонился к вахтенному и шепнул: — Заканчивай сбор.

Саша кивнул.

— Встать! — приказал Демченко.— Смирно!

На стене у карты вспыхнула Звезда Гайдара. Красный ее свет слился с дрожащими бликами фронтальной копилки.

Стали строгими лица мальчишек и девчонок.

И запели все гимн:

Волны грозно режут,
Волны песню поют
О штормах,
О романтике бурь.
А на «Шхуне» вперед
Оптимисты плывут,
И смеется им
Неба лазурь.

Когда-то и слова и музыку написала наш матрос Надя Черная. Долго живет этот гимн и кончается им каждый палубный сбор.

Так вперед, капитан!
Не зевай, рулевой!
Наша «Шхуна»
По ветру лети!
Пусть ревет и поет
Океан штормовой,
Веселее
Нам будет в пути!

Прохожие недоуменно поднимали головы, слыша голоса, доносившиеся из окон полутемной редакции.

А «шхунатики» пели дальше:

Мы на крыльях мечты
Облетим шар земной,
Нам, романтикам,
Все нипочем!
И в холодную стужу,
И в ветер, и в зной,
Мы, упрямые,
К цели придем!

Голоса становились мужественнее, тверже. А гимн уже подходил к концу:

Ну-ка, солнце и ветер,
Тайга и прибой,
Вы сложите-ка
Песню про нас!
Грозно тучи сгущаются
Над головой,
И звучит
Капитана приказ.

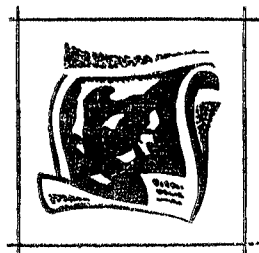
Толик откашлялся. И громко, как только мог, произнес девиз «Шхуны»:

— Поднять паруса! Быть ветру!

— Лишь в бурях мужают и крепнут! — дружно, как один человек, ответила команда.

И подняли ребята сжатые кулаки.

— А завтра вечером приходите в гости! — сказал я. — Жду в девятнадцать ноль-ноль.

ИЗ ЛОЦИИ ПЛАВАНИЯ «ШХУНЫ РОВЕСНИКОВ»

Однажды положили перед собой ребята карту Черного моря. Всматривались в знакомые очертания берегов, разглядывали города и порты.

Вот и Новороссийская бухта...

— Слушайте! А если нам нарисовать свою карту? Карту плавания «Шхуны ровесников»? — предложил кто-то (это было так давно, что фамилию автора замечательной идеи не помнит даже корабельный летописец).

Так и стала бухта Новороссийская бухтой Мечты... А острова и земли возникли, как в сказке, прямо в Черном море (то есть теперь — в океане Дерзаний).

Раздобыли затем ребята лоцию Черного моря. Полистали ее внимательно.

И потом решили написать свою — лоцию плавания «Шхуны». Каждый выбрал себе остров, море или бухту и написал о них.

И получилась объемистая книга (страниц в триста!).

А самой первой лоцией стала, конечно же, лоция бухты, откуда мы вышли в плавание...

Бухта Мечты

На материке Поющих Ветров, на южном его берегу, расположена бухта Мечты.

Берега бухты, кроме берега вершины, обрывистые, поросшие лесом, мало изрезаны. Здесь нет сколько-нибудь приметных мысов, кроме мыса Пятнадцатилетнего Капитана, на вершине которого находится маяк Звезда Рыбака, ярко горящий в бури, штормы, темные ночи и ненастные дни. Мыс Пятнадцатилетнего Капитана скали-

стый, вблизи оконечности его имеется белое пятно. При подходе с запада мыс кажется плоским и обрывистым. Окаймлен Коварным рифом.

Благодаря ровному рельефу дна, хорошему грунту и сравнительно большим глубинам, бухта Мечты считается хорошим местом для якорной стоянки.

Мрачен и сер рельеф бухты. Тянутся в глубь материка красновато-коричневые гранитные скалы Хребта Неприступности, покрытые скудной, искореженной суровыми ветрами растительностью, среди которой изредка возвышаются отдельные сосны, крепко вросшие своими узловатыми, едва прикрытыми мхом корнями в трещины скал. Издалека видна самая высокая вершина хребта Неприступности пик Дерзких.

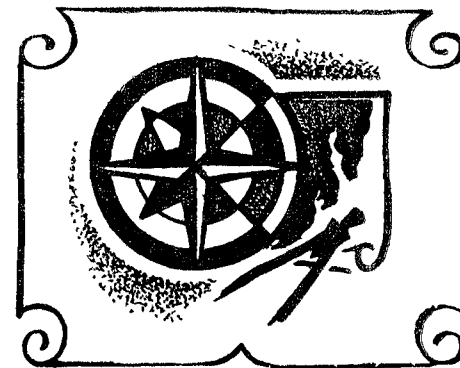
Бурная горная река, несущая с грохотом свои воды и обломки скал к морю, как бы раскалывает горы и образует в своем устье небольшую наносную низменность, на которой и расположен город и порт Штормовой.

Климат этой части материка Поющих Ветров очень суров. Зима долгая, морозная, бесснежная. Жестокие штормы и северо-восточные ветры обрушиваются на бухту почти на всем протяжении осени и зимы. А лето короткое, пасмурное, туманное. Солнце редко показывается на небе, небосклон чаще затянут густой серой пеленой.

Город и порт Штормовой расположен у места впадения реки Стремительной в море Презревших Покой. Он совсем еще юн, этот город. Романтики-энтузиасты построили его. Они строили и мечтали. Мечтали и строили. Наверное, поэтому он и получился таким молодым и красивым! Нет в Штормовом никаких старинных зданий и редких памятников, потому что он появился из крохотного, продубленного жестокими ветрами, насквозь пропахшего рыбой и морем рыбацкого поселка. Население в Штормовом невелико: сто сорок тысяч человек. Преимущественно молодежь.

Как-то раз ребята-романтики построили здесь «Шхуну ровесников». Соскользнул со стапелей белоснежный корабль и вышел бороздить океан Дерзаний.

Итак, родной причал «ШР» — бухта Мечты!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ О ТОМ, ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ ЖИТЕЛИ ДОМА ПО УЛИЦЕ МОСКОВСКОЙ

День был обычным, и вечер тоже.

Только что прошел дождь, и лужи еще не высохли, а на улицу высыпала детвора.

Я смотрел с балкона пятого этажа на большой двор, образованный четырьмя домами, и ждал ребят.

Они запаздывали.

Никто из жителей нашего двора и не подозревал, что произойдет сегодня в шестьдесят шестой квартире.

Произойдет невероятное.

Необычное.

Наконец-то! Размахивая папкой, прошел по обочине тротуара Володя Лебедев. Он поднял голову, увидел меня и взял под козырек. Через секунду скрылся в подъезде, и я пошел открывать дверь.

— Не промок? — спросил я, пропуская Лебедева в комнату.

— В магазине дождь переждал, — ответил старший матрос. — Я что, первый?

— И, наверное, не последний.

Раздался звонок.

Вот это сюрприз! Передо мной стоял Володька Козловский.

— Прибыл насовсем! — доложил сержант Козловский. — Отслужил два года — и домой! — Володя был одним из первых капитанов «Шхуны».

— Ты когда приехал? — спросил я.

— Сегодня утром. А тут разведка донесла: у флаг-штурмана — сбор. Решил явиться...

— Давыдов идет! — крикнул с балкона старший матрос. — Несет... кажется, магнитофон!

Отлично! Сережа сдержал свое слово. Магнитофон как нельзя кстати.

— На горизонте Сергей Дмитриев! — провозгласил Володя Лебедев, несущий дозор с балкона.

Дверь уже не закрывалась. Входили один за другим ребята. Пришел Гена Лашко, Сережа Гречихин. Саша Демченко принес подшивку всех номеров «Шхуны». Прибежала из соседнего дома курсант Лена Лакарева...

Не было пока только капитана. Но я знал, что у Толи Шкуратова сейчас занятия в художественной студии и он придет чуть позже.

Героем дня стал Козловский. Ребята расспрашивали его про службу. Чувствовалось, что Володя немного отвык от подобных встреч: держался вначале чуть скованно.

Ребята знали его характер — спокойный, но до поры до времени. Уж если что заденет Володю, держись! Когда он был капитаном, ввел самую строгую дисциплину на палубных сборах и добился, чтобы это было записано в Устав. Не пришел три раза без уважительных причин — до свидания! Не хочешь выполнять задания капитана к новой операции или ленишься написать заметку, — значит, приходишь без взносов и просто не уважаешь своих же друзей. Списать на берег! Володя часа не мог посидеть без дела. Вечно куда-то бежал — то в музей, то во Дворец пионеров к красным следопытам, шедшим по следам героев Великой Отечественной. И сам он не раз рассказывал в «Шхуне» о юных новороссийцах, мужественно сражавшихся в боях за город...

Сейчас Володя Козловский из угловатого подростка стал подтянутым юношей, ничего не попишешь — армия.

А завтра уйдет на флот Серега Дмитриев... Грустно ему сейчас расставаться со «Шхуной», только делает вид, что

все нипочем! И хохочет громче всех, и острит, а, знаю, не так спокойно у него на душе. Все-таки на три года разлука с родным городом, с друзьями...

Пробило восемь склянок. Надо начинать.

Лебедев пришел с балкона.

Я поднял руку, призывая ко всеобщему вниманию.

— Будем писать историю «Шхуны».

— Начинали уже! — скептически заметил Козловский. — Даже избирали корабельного летописца. А что вышло? Только записи в судовом журнале и остались...

С улицы донесся шум подъезжающего автомобиля.

— А может быть, сделаем так? Вспомним, что раньше было? Здесь ведь полным-полно новеньких. И многого они не знают... Договорились?

— И магнитофон для этого? — любопытствовал Давыдов.

— А как же! — ответил я, напряженно прислушиваясь. — Так что давай, Серега, ставь чистую пленку, готовься сделать редкую запись...

По лестнице слышались шаги. Ну еще бы, мы же договаривались на пять минут девятого. А он человек точный...

— Я готов, — объявил Давыдов. — Но почему редкую запись? — Кто будет говорить?

— Добрый вечер! — раздался в комнате сильный, чуть хрипловатый голос.

Ребята обернулись.

— Штурман «Шхуны ровесников» Константин Коккинали по вашему приказанию прибыл! — отрапортовал гость.

Лицо его было обветрено, серые глаза улыбались, на черном пиджаке горела Золотая Звезда.

«Шхунатики» замерли от восторга. Прославленный летчик-испытатель, один из знаменитой летной династии, наш земляк стоял сейчас перед нами.

— Вы писали, что хотите провести со мной заочную встречу. Прислали вопросы. А я прибыл сам. Не ждали? — Он лукаво подмигнул и вытащил из кармана листки, положил на стол. — Только прошу извинить, времени у меня в обрез — всего полчаса. Это новая карта?

— Включай, Серега, — шепнул я Давыдову.

Тот нажал на клавишу магнитофона.

Штурман сидел во главе стола, а перед ним лежала карта плавания «Шхуны». Он внимательно рассматривал ее, изучал острова, и моря, бухты и проливы. Лицо его оставалось серьезным, глаза деловито прищурены.

— Курс правильный. Я его подпишу,— сказал он.— Очередные полгода продуманы хорошо. Дайте-ка линейку и карандаш.

Впереди у нас было море Рассветных Зорь — подготовка страницы для выпускников. Затем «Шхуна» должна пристать к острову Мужества — провести 22 июня траурную линейку, в четыре часа утра... После этого корабль уйдет в новый путь. В море Дружбы на летнем меридиане его экипаж ожидают встречи с ребятами разных городов...

Наступила благоговейная тишина, когда штурман прокладывал курс. Он подписал карту, придвинул к себе листки.

— Вот вы, ребята, прислали мне много вопросов. Так много, что отвечать бы мне пришлось весь вечер, и даже ночь. И поэтому я выберу самые интересные...

Коккинаки полистал. Нашел. Оглядел «шхунатиков». В комнате, как говорится, яблоку негде было упасть. Сидели на стульях, на раздвинутом диване-кровати, на полу, по-турецки поджав ноги.

Штурман улыбнулся и начал:

— Вот вопрос: кем вы мечтали стать в пятнадцать лет? Конечно же, капитанами дальнего плавания. И, как минимум, штурманами дальнего плавания. Это мечта многих мальчишек Новороссийска двадцатых годов... А стал я, как видите, штурманом «Шхуны»...

Все засмеялись. Вместе с ребятами и штурман.

— Мальчишкой я помню себя хорошо,— продолжал рассказывать Коккинаки.— Далекое, совсем не беззаботное детство... Знаете сами, какое было тогда время, сорок с лишним лет назад. Из книг, из фильмов знаете. Только-только прошла гражданская. Жили мы в небольшом деревянном домишке на каботажной пристани, там, где сейчас пассажирский морской вокзал. Семья была большая. И с малых лет мы были приучены к труду. Пилили дрова, помогали по хозяйству. Да и закалялись хорошо: зимой отец заставлял обливаться ледяной водой. А море было нашей первой любовью.

Летом мы целыми днями пропадали на берегу. Плавали,

ныряли, занимались греблей. Не было в те годы спортивных баз, не было тренеров. Но мы все равно занимались спортом, помогали друг другу. Учился в школе, а по вечерам ходил в порт, работал грузчиком. Парень-то я был крепкий... Спросите, как добивался своей мечты? После окончания семилетки пошел плавать. Сначала конгой, а потом матросом первого класса на парусно-моторной шхуне. Тяжело было с непривычки. Руки в кровь изобьешь, ставя паруса в ледяной ветер...

В двадцать шестом году поехал я в Одессу поступать в мореходное училище. Но знания, данные мне семилеткой, были очень слабы. Так что в мореходку меня не приняли. Пришлось возвратиться в Новороссийск и продолжать работать матросом. В это время как раз много писали о советской авиации. К ней я был совсем не равнодушен. И в двадцать девятом году по призыву комсомола поехал учиться в военную школу летчиков...

Да, после этого у нашего штурмана началась удивительная жизнь. Константин Константинович стал летчиком-испытателем. А в годы войны был командиром авиационного истребительного полка.

Окончилась война. И вновь — испытательные полеты. В 1960 году он становится мировым рекордсменом, совершив полет по стокилометровому треугольнику (такую фигуру должен выполнить летчик, идя на рекорд). Самый быстрый самолет в мире вел Константин Коккинаки. На отдельных участках скорость превышала две с половиной тысячи километров в час.

Затем он испытывал множество сверхзвуковых самолетов.

А вот один из эпизодов работы нашего штурмана. Сидя среди «шхунатиков», он неторопливо рассказывал...

— Рука на штурвале. Бетон аэродрома совсем рядом. Быстрее звука взвился в небо самолет. Предстояло проверить в полете новую схему управления. Любое испытание сложно, а это — вдвойне. На испытаниях двигателя, если он, например, откажет, можно спланировать и благополучно посадить машину. А вот, проверяя управление, этого сделать

нельзя. Можно только катапультироваться... Пока все шло нормально. Стрелка прибора, измеряющего высоту, ползла вверх. Двести метров... триста... Неожиданно все задрожало. В теле возникла необычная тяжесть, а потом — легкость. Мгновенно оцениваю происходящее. Сверхзвуковой самолет, не подчиняясь управлению, вошел в режим так называемых самопроизвольных автоколебаний. Из-за этого возникли переменные нагрузки (а при них вес тела увеличивался в тринадцать раз и уменьшался в шесть раз. Это происходило периодически с быстрой последовательностью). Катапультироваться нельзя: слишком низко. Времени для раздумий не было. Можно надеяться только на технику. Я дал еще большую скорость. Кровь то приливала, то отливала от щек. Глаза закрывались сами собой. Голова раскалывалась... Перегрузки были выше норм, положенных по прочности для самолета. До этого медицина считала, что отрицательные перегрузки, когда вес тела становится в шесть, шесть с половиной раз меньше, организм человека не выдерживает. Только закалка помогла мне выдержать колоссальные перегрузки, вывести самолет из этого состояния, благополучно произвести посадку, рассказать и показать конструкторам, что произошло. Правда, после этого самолет имел деформацию. Пострадал и я: была сильно побита голова. Из кабины сам выйти не мог, помогали. Потом меня отправили в больницу, а самолет — на ремонт...

— Теперь этот самолет летает? — слышался робкий голос Лены Ласкаревой.

— Да. Самолеты с этой схемой управления выпускаются всеми конструкторскими бюро... — Коккинаки сделал паузу. Взял еще один листок, прочел: — «Говорят, что летчику нужен спорт, хорошая закалка. А если я не хочу быть летчиком?» Серьезный вопрос. И ответить на него не просто. Но попытаюсь.

Мне, например, кажется, что спорт важен в любой специальности. Важен любому, кто не хочет вырасти хлюпиком. Давайте подсчитаем.

Допустим, сейчас человеку — пятнадцать. Года через два он кончит школу, потом армия, институт — семь лет. Жизненный опыт надо приобрести — на это еще добрый десяток лет уйдет. Сколько получилось? Тридцать два. В тридцать два человек начнет отдавать людям все, что может. А надолго его хватит с хилым здоровьем?

С улицы донеслись резкие гудки.

— Извините, — сказал штурман. — Уже пора. Улетаю в Севастополь. Черноморцы просят выступить.

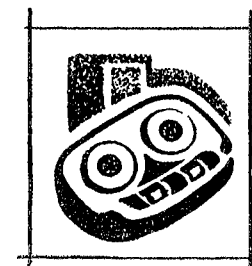
Когда штурман ушел, все разом загалдели.

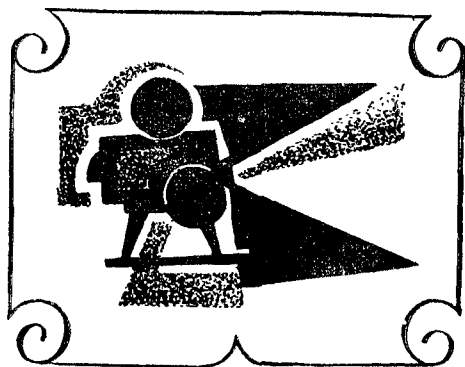
— Дома скажу — не поверят, — говорил Володя Лебедев.

— Вот это встреча! — восхищался Саша Демченко.

— Жаль, Шкуратова не было, — огорчался Дмитриев. — Не слышал штурмана...

— А это зачем? — сказал Серега Давыдов, победно поднимая над головой кассету с магнитной пленкой. И добавил: — Уже история...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КИНО

— Это, конечно, очень интересно! — воскликнул Саша Демченко, глядя на магнитофон и на грудку коричневых лент. — Вот только...

— Что? — спросил Козловский.

— Просто хотел узнать: искала «Шхуна» что-нибудь по истории города?..

— Была одна операция, — сказал я. — Постой, когда же? Ну да, в шестьдесят седьмом...

— А... Ну, тогда я еще во второй ходил...

— И о «Шхуне» слыхом не слыхивал... — улыбаясь, добавил Володя Козловский.

— Да нет, слышал... Однажды к нам домой пришли какие-то ребята... Сказали, что из редакции, из «Шхуны ровесников». Сказали, что ищут старожилов. Я и не спросил зачем. Показал одну, старуху...

— Послушай, флагштурман, — повернулся ко мне Козловский, — это ведь операция «Кино»?

— Угадал!

Знаешь ли ты, дорогой читатель, что первый в России кинотеатр открылся в 1897 году? И был он в Новороссийске.

Да, семьдесят восемь лет назад, двумя годами позже первых в мире парижских сеансов, и за семь лет до постоянного показа кинокартин в Москве и Петербурге, в небольшом портовом городке Новороссийске появился стационарный кинотеатр.

Перелистывая старые подшивки «Новороссийского рабочего», мы прочли заметку об этом.

И сразу возник вопрос: а где же стоял первый кинотеатр?

Первыми русскими зрителями могли бы быть люди, которым сейчас восемьдесят — девяносто лет. Следовательно, надо найти этих людей, старожилов Новороссийска, и подробно расспросить.

К сожалению, сведений о кинотеатре не было ни в городском филиале крайгосархива, ни в историко-краеведческом музее.

Курсанты и члены команды «Шхуны» начали поиски.

Где только не побывали ребята! Разбили город на кварталы и обходили один за другим. Были на Куниковке, на Мефодиевке, на Стандарте... Расспрашивали пожилых новоросийцев. Сидели в библиотеках, рассматривая старые подшивки журналов.

В газете «Новороссийский рабочий» поместили рассказ о наших поисках, начали приходить письма.

Все яснее становилось, что искать первый кинотеатр надо в районе Стандарта. Этот район начал особенно быстро заселяться в девяностых годах прошлого века, благодаря прокладке железной дороги, связавшей Новороссийск с центром страны, а так же из-за развития морского порта и сооружения крупнейшего в Европе элеватора.

До нашего времени сохранился дом, построенный французскими концессионерами. Сейчас в нем находится библиотека имени В. В. Маяковского, столовая № 2 и комиссионный магазин.

Именно в этом доме разместился первый кинотеатр.

Вот что мы узнали от Семена Ивановича Масалова во время одной из наших встреч.

— Это было в девятьсот пятом или в девятьсот шестом году. В кинотеатр, расположенный на Стандарте, я пришел с отцом, Иваном Федосеевичем, котельщиком железнодорожных мастерских. В то время кино мы называли биоскопом. Показывали какую-то картину о мире животных. Я си-

дел в первых рядах на грубой скамейке. На меня вдруг с полотна двинулись громадные слоны. Я испугался и закричал. Отец засмеялся и сказал: «Чего ты боишься? Эти слоны на тебя не пойдут, они уже ушли с полотна». Я успокоился и взглянул вверх. На экране уже были другие кадры. Шел поезд, шли люди... Все было очень интересно...

Семен Иванович добавил, что в то время кинотеатр на Стандарте был единственным в городе.

Снимки и материалы, рассказывающие о первом в России кинотеатре, «Шхуна» передала в кабинет истории кино Всесоюзного государственного института кинематографии.

Помню, «Шхуна» и сама захотела снимать фильмы. Раздобыли кинокамеру «Экран», восьмимиллиметровую пленку, бачок для проявки, монтажный столик и проектор. Артистов было хоть отбавляй, и операторов, и режиссеров. Но все решал сценарий. О чем будет фильм?

Сообща придумывали. Остановились на трагической истории одного «шхунатика», выброшенного за борт проникшими на корабль пиратами и оказавшегося в плену у людоедов. История, слава богу, кончалась благополучно. Потерявшего надежду на спасение мореплавателя спасал штурман, пролетающий мимо на сверхзвуковом самолете. Он выбросил лестницу, и несчастный схватился за нее зубами...

Случай, надо сказать, поразительный. Но для воплощения его на экране требовалось слишком много: парусный корабль — один, океан — один, индейцы — 20 человек, необитаемый остров — один, реактивный самолет — один.

Выход искали недолго.

— Все, чего не хватает, — нарисует! — заявил Сережка Атрохов, будущий исполнитель главной роли.

И вот однажды в густом утреннем сумраке поплыла по океану шхуна. По бесконечному корабельному коридору крались страшные тени, скрипел фонарь; истошный крик — и маленькая фигурка шлепнулась в воду. Не успевал мореплаватель (артист С. Атрохов) как следует понять, почему он оказался в океане, почему его выбросили на остров, как на него наваливалась банда дикарей... (Надо сказать, это был потрясающий эпизод!)

Фильм закончили вовремя: как раз к «Огоньку», который юноши «ШР» посвящали девушкам экипажа.

А после этого «шхунатики» решили сделать доброе дело не только для себя — провести фестивали любимых фильмов. Пошли в кинотеатр «Смена» и обо всем там договорились. Дали в газете объявление, что ждут предложений.

И писем пришло очень много. Каких только фильмов не предлагали ребята! На палубном сборе с жаром обсуждали все предложения, добавляли свои, а затем получившийся длиннющий список подвахтенный отнес в кинотеатр.

Потом каждый «шхунатик» в школе продавал билеты.

В зале всегда было битком! Перед началом сеансов выступали наши ребята. Готовиться приходилось основательно: бегали в кинопрокат, брали журналы, книги. Искали статьи о режиссерах, сценаристах, актерах. Надо знать очень много, чтобы просто и интересно рассказать ребятам о фильмах, которые им предстояло увидеть.

Вначале было «шхунатикам» боязно: будут ли слушать? Не затопают ли погами: давай кино! Но в зале стояла тишина, и голоса становились все увереннее, звонче.

В такие дни весь кинотеатр украшали наши художники. Ставили морские трапы (специально везли из судоремонтного!), вешали спасательные круги (дало пароходство), выставляли в фойе номера «Шхуны», наши вымпелы и флаги, а у входа вместо контролера дежурил с повязкой вахтенный.

И билеты в кинотеатр превращались как бы в пропуск на корабль, в удивительный мир...

Провела «Шхуна» фестивали фильмов о старшекласниках («Если тебе шестнадцать...» — так называли его), о гражданской войне («Звезда победная, свети!»), о пионерах-героях («В жизни всегда есть место подвигу»)...

— Приятно вспомнить! — сказал Гена Лашко. — Все таки здорово это у нас получилось!

Письмо из Киева

Когда я первый раз услышал «Сказку о гордом Мальчише-Кибальчише», мне было всего-навсего восемь лет. Вот с тех самых пор живу я с Кибальчишем, мучаюсь его судьбой, горжусь его подвигом и мечтаю, всегда мечтаю, даже в этом возрасте, быть таким, как он, каждодневно, ежеминутно. Ведь борьба с буржуинством не кончилась тогда, когда примчались на помощь Кибальчишу красные отряды, эта борьба шла и в грозном сорок первом году, она идет и сейчас. Только буржуинство хитрит, ловчит, прикидывается то ответственным дележкой, то махровым мещанином, то обыкновенным пижонем. И разве не надо быть в этой борьбе таким же стойким, таким же гордым, таким же беззаветным, как Кибальчиш?

Вот что значит для меня сейчас Гайдара, вот почему так живы, популярны и сегодня герои его книг. И вот почему так захотелось именно сегодня, в наши дни, оживить на экране героическую сказку Аркадия Петровича. И я счастлив тем, что сегодня гайдаровский Кибальчиш живет, сражается и обращается к новому поколению ребят с экрана.

А как это получилось? С чего началось? Ну, понятно, началось со сказки Гайдара. С желания увидеть на экране не рисованных мальчишей, а живых, веселых и бесстрашных.

Наверное, я не смогу рассказать обо всем, даже о самом малом и то расскажу бегло и коротко. Ведь снимали мы этот фильм восемь месяцев. День за днем, неделя за неделей. И каждый час, каждый день, я уже не говорю о неделе, были заполнены такими удивительными делами, такими увлекательными событиями...

Вот, к примеру, дерутся наши мальчиши. Как ловко, отчаянно, как хитро они сражаются!

Как добиться нам этой ловкости, легкости, изящества? Уж если швыряет через себя мальчишка буржуин-

ских солдат, так чтобы летели они, эти солдаты, по настоящему, безо всяких киношных трюков. И нет в нашей драке ни одного трюка, все, что делают мальчишки, все это они делают сами, все это проделывали в жизни — и не раз, не два, а десять, двадцать раз.

Восемь минут идет на экране этот бой, а тренировались ребята, готовились к нему три месяца.

Восемь минут — и три месяца! Это и есть кинематограф. Три месяца — и восемь минут; зато не откажешь нашим мальчишкам ни в ловкости, ни в легкости, ни в озорстве...

Но наши мальчишки не только тренировались, не только снимались, то есть работали, а и отдыхали. И хорошо отдыхали: купались в море, ходили в походы и, конечно, играли в футбол. Интересно было наблюдать, как в игре против сельских ребят по левому краю проходил Кибальчиш и для решающего удара передавал мяч Плохишу, который играл в центре. Удар! Мяч в воротах! Кибальчиш обнимает Плохиша, а старший брат Кибальчиша — обоих.

И был у нас на съемках пионерский лагерь, и Плохиш, московский школьник Сережа Тихонов, бил в барабан, а Кибальчиш, киевский школьник Сережа Остапенко, поднимал флаг — так начинался день в пионерском лагере имени Гайдара.

А знаете, как называлось то село, в котором жили по фильму мальчиши, их старшие братья, их отцы?

Ведь это село было построено нашими рабочими на холмах вблизи села Верхне-Садовое в Крыму. И когда задымилась труба в декоративных домиках, то решили ребята назвать как-нибудь село. И назвали Гайдаровка. А на повороте дороги, ведущей в село, появился указатель: «До Гайдаровки — 1,5 км».

Так мы и работали и жили с именем Гайдара, так и сохранили до сих пор теплое гайдаровское слово, его любовь и его ненависть.

Его любовь к людям, к солнцу, к свободе и его ненависть к мраку, ко всякому злу и проклятому буржуинству, что живет еще на свете и пытается всячески помешать нашему великому делу.

И вот еще что может быть интересно для вас: помните знамя, которое развевалось над укреплением

мальчишей? Нет, не отдали его буржуинам мальчиши, не сгорело оно, не пропало в битве.

И после окончания съемок передали мы его в областную киевскую пионерскую организацию, чтобы лучший пионерский отряд мог нести его в своем боевом строю.

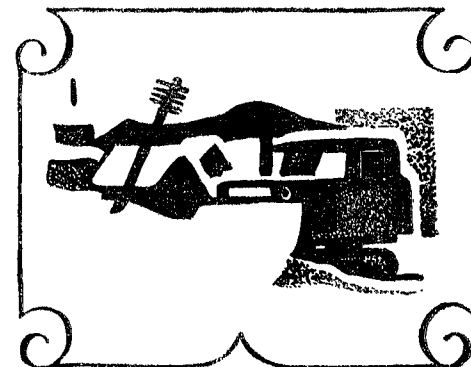
А красная рубашка Кибальчиша хранится сейчас в музее имени Гайдара школы № 132 города Харькова.

И еще одну реликвию фильма передали мы харьковским пионерам. Звездочку! Помните, ту самую, что передал Кибальчишу из слабеющих рук раненый гонец.

Для нас для всех, для всей съемочной группы работа над «Кибальчишем» была и останется любимейшей работой. А для меня лично Гайдар останется и по сей день ярким примером личного мужества и героизма — верного, бескомпромиссного служения нашим идеалам. Идти дорогой Гайдара, жить его мыслями, служить его делу — в этом поклялся я еще в детстве. Обещаю: я сдержу эту клятву.

Е. ШЕРСТОБИТОВ,
комиссар «ШР»

ОТ ФЛАГ-ШТУРМАНА. Это письмо Евгения Фирсовича Шерстобитова, режиссера Киевской студии имени А. П. Довженко, мы получили, когда «Шхуна» держала курс к острову Кино.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, КАК «ШХУНАТИКИ» ПОМОГЛИ ГОРОДУ

За окнами уже стемнело. А сбор наш продолжался. Тон задавали «старички», но постепенно в разговор вступили и молодые «шхунатики».

— У нас такая операция была! — похвастался Сережа Давыдов. — Пока вы оба были в армии. Что-нибудь слышали про операцию «ТТ»?

— Нет... — ответил Гена Лашко. — А что это?

— Рассказал бы... — попросил Володя Козловский.

— Случилось это под самый Новый год. — Начал Давыдов. — Сами знаете, какой он у нас всегда: ветер да дождь. Снега и в помине нет, одна грязь. Но тут началось такое! Два дня дул норд-ост, потом ударил мороз, поднялась метель. Утром я проснулся, глянул в окно и ничего не увидел: дом чуть ли не до крыши завален снегом. А что в городе творилось! Ветер оборвал провода, поезда и автобусы не ходили. Не знаю, как цементные, а все остальные заводы стали, порт тоже. В школах занятия отменились сами собой. Представляете? Два дня гулять! И ничего! Начали мы с ба-

тей убирать снег, с трудом расчистили дорожку от калитки к дому, и тут я вспомнил, что вечером надо бежать в редакцию. Стали все меня уговаривать: «Да куда тебя несет? Никого не пустят...» Все равно вырвался. Добрался очень даже спокойно. Правда, не все наши пришли на палубный. Сидели мы в теплой комнате, за окном гудел ветер... Обсуждали курс плавания «Шхуны» на полгода. Решили, к каким островам, какими морями будем плыть, а проще говоря, какие страницы выпустим, какие подготовим операции.

А в редакции еще сидели сотрудники. То и дело доносились голоса: «Откуда, с «Октября»? Как у вас там, вращающиеся печи не стали?», «Автоколонная? Снег начали расчищать?», «Алло, хлебозавод! Будет свежий хлеб?»

Слушали мы все это и задумались. Мы здесь что-то сочиняем, а там люди работают. Что бы и нам сделать?

Но тут в самый разгар обсуждения зазвонил телефон. Положив трубку, капитан сказал: «Орлы, срочно требуется провести одну операцию. Бесперчаточных просят разойтись по домам. Остальные — шагом марш к почте!»

Короче, на указанном месте собрались все. И там от начальника телеграфа получили боевое задание: разнести поздравительные телеграммы.

«Дасшь тысячу телеграмм!» — предложил Володька Лебедев. — И операцию назовем «ТТ» — «Тысяча телеграмм».

И все подхватили: «Даешь!»

Разбившись на группы по двое, мы ринулись на поиски адресатов. Каждый взял телеграммы в район, хорошо знакомый, и потому дело закипело. Перебирались через сугробы, съезжали по ледяным тротуарам, гнулись под ветром... И ничего! А потом входили в шумные квартиры и, протягивая телеграммы, поздравляли с Новым годом. Было так радостно, так весело...

Пока Давыдов рассказывал, Дмитриев что-то рисовал в своем блокноте. Сделал карандашом последний штрих, вырвал листок и пустил его по рукам.

— Узнаете?

На рисунке — темная фигура мальчишки в бушлате. Он стоит у берега моря и бросает в волны бескозырку.

— Что это? — не понял Саша Демченко.

— Операция «Бескозырка», — пояснил Дмитриев.

— А, знаю! Это когда вы весь город на ноги подняли...

— Весь город! Скажешь! — улыбнулся Сергей. — Тысяч шесть ребят всего... Мы тут такое напридумали... Толя Шкуратов из горкома комсомола и не выходил. Он был командиром операции...

— Расскажи, — попросил Гречихин. — Ребята не знают...

— Ладно... Значит, так. — Сергей закрыл блокнот и начал свой рассказ. — Вечером перед операцией решил командир пройти по будущему маршруту колонн. А дни тогда стояли морозные, только что шторм утих. Пришел он к берегу моря, где у катерной остановки должен был начаться митинг, а там — горы льда. Уже неделю лежат. Даже к морю нельзя подойти — торосы, как на Северном полюсе. Записал это Шкуратов в свой блокнот и двинулся дальше. А дальше — еще хуже. Прорвало трубы, и пол-улицы залило водой. Шедший навстречу старик пожаловался: «Не знаем, куда и идти. Пятый день потоп».

Не ожидая уже ничего хорошего, перебрался Анатолий на другую сторону уличного озера, набрав полные ботинки воды. А набережная укутана мраком.

«После норд-оста как порвало провода, так и света нет», — сообщил ему какой-то малыш.

Возмутился наш Толя. Нельзя не помочь жителям. Завтра он сделает все, что может... Словом, с утра пришел в горком комсомола и засел там за телефон.

«Городское мероприятие, а по вашей вине оно может сорваться», — говорил он, и на другом конце провода обещали, что все будет убрано, исправлено и починено...

— И что же сделали? — ехидно спросил Лапко.

— Сдержали слово? — не терпелось Демченко.

— А как же! — Никто и не заметил, как вошел Шкуратов. — Приехали утром машины, бульдозер и живо убрали лед. А к трем часам и воду откачали, и ток подключили. Так что к началу операции все было в порядке.

— Так она днем была? — недоумевал Козловский.

— Не только же все по ночам, — заметил Дмитриев.

— Все равно ночью романтичнее! — твердо сказал Володя. — Мы самую первую «Бескозырку» потому и не проводили днем, что события войны проходили ночью. И делали мы операцию в то самое время... Вы только послушайте...

Море Презревших Покой

В северо-западной части океана Дерзаний у материка Поющих Ветров расположено море Презревших Покой. С юга и юго-востока оно ограничивается Землей Гайдара и атоллom Орленок, с юго-запада — островом Володи Дубинина.

На северо-западе море далеко вдается в материк, образуя бухту Мечты, крупнейшую в этом районе океана.

В акватории моря имеется два острова вулканического происхождения — остров Бурь и остров Мужества, разделяемые проливом Вити Новицкого. На обветренных, прокаленных солнцем скалах этих островов растет лишь сухой вереск и цепкий дрок.

Море печально знаменито сильными бурями, шквاليстыми ветрами и свирепыми тайфунами, внезапно налетающими с северо-востока.

На юго-востоке в 25 милях от обрывистых берегов острова Бурь под рябью волн скрывается коварная мель Калипсо.

Название это уходит в древность. По рассказам старых и опытных лоцманов, раньше на месте этой мели был остров, на котором жила нимфа Калипсо.

Легенда гласит, что ее родиной была прекрасная земля Эллады.

Но однажды дети моря — дельфины — унесли ее на этот далекий песчаный остров.

Каждый день Калипсо выходила на берег моря в надежде когда-нибудь увидеть корабль с родной земли.

Едва завидев на горизонте белый парус, она выплывала навстречу кораблю и, повинувшись волшебным чарам, капитан вел судно за Калипсо...

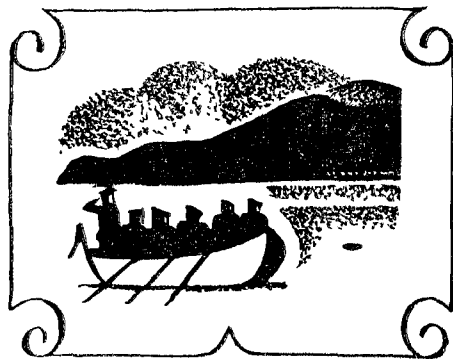
Море начинало бурлить, и огромные волны выбрасывали корабль на мель. Скрежет килы о дно, грохот падающего такелажа, крики тонущих мореплавателей — все это быстро стихало. И лишь чайки стонали над местом трагедии...

Сейчас мель Калипсо не представляет большой опасности для опытных мореходов. Держа курс на маяк Капитана Флинта, расположенный в 142,3 кабельтовых от мели, корабль успешно минует опаснейший район.

С северо-востока до юго-запада море пересекает теплое течение Экзюпери.

Смело поднимайте паруса: легкий ветер и теплые волны понесут ваш корабль к югу.

На острове Володи Дубинина, в заливе Просоленных бушлатов, прекрасное место для отдыха, починки парусов и такелажа.

ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ,
О ЧЕМ РАССКАЗАЛ ЭКС-КАПИТАН

Все происходило по заранее намеченному плану.
«Совершенно секретно!!!» — стояло в правом верхнем углу листа. И приказ № 310 гласил:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!!!

ПРИКАЗ № 310
по "Шхуне ровесников"

В ночь с 3 на 4 февраля провести традиционную операцию "Бескозырка", посвященную бессмертному подвигу малоземельцев.

Вахтенным командиром операции назначить водолаза С.Корнева.
Начало операции - 00. 30.

СОВЕТ" ШР"

Чтобы ясна была цель нашей операции, надо знать, что произошло здесь во время Великой Отечественной войны.

Февраль сорок третьего. Новороссийск захвачен врагом. Тогда и решило советское командование высадить крупный десант в район Южной Озерейки (этот поселок километрах в десяти от города). А вблизи Новороссийска наметили высадить отвлекающий десант — у поселка Мысхако.

Но получилось так, что вспомогательный десант стал основным. Им командовал майор Цезарь Куников.

Поздней ночью катера десантников подплыли к берегу. Вплотную подойти не смогли: слишком мелко. И тогда, подняв над головами оружие, моряки прыгнули в море.

Они шли вперед под градом свинца, шли в ледяной воде.

Они высадились на берег и, отбив у врага клочок суши, назвали его Малой землей.

Двести двадцать пять дней держались герои. Семь месяцев под непрерывным вражеским огнем. Одиннадцать эшелонов бомб и снарядов обрушили фашисты на Малую землю. Но выстояли бойцы!

Не все войны дожили до дня разгрома оккупантов...

Умер от ран в прифронтовом госпитале командир батальона морской пехоты Цезарь Куников.

Не увидел Победы Михаил Корницкий. Спасая боевых товарищей, попавших в окружение в районе поселка станицы (ныне Куниковка), он обвязал себя связкой гранат и бросился в гущу врагов...

Когда краснофлотец Чаленко вынесли мертвым с поля сражения, в кармане его гимнастерки нашли записку: «Если погибну в бою за рабочее дело, прошу комиссара отослать моей маме бескозырку и комсомольский билет. Пусть хранит и не забывает своего сына — моряка...» Вите Чаленко было всего пятнадцать.

Памяти героев посвящена наша операция.

Как же она проводилась?

Февральская ночь была морозной, ветреной. Точно так же, как много лет назад...

Двенадцать часов. У входа в редакцию «Новороссийского рабочего» встали караульные, рослые ребята из мореходки.

— Пароль? — остановили они парнишку в серой каракулевой шапке.

Без пароля никого не пропустят.

Но Саша Зубков, старый «шхунатик», конечно, пароль знал.

— Норд, — сказал он.

— Ост, — ответил один из караульных и, посторонившись, пропустил Сашу к двери.

В маленькой прихожей редакции темно. В заржавленном, разорванном взрывом стакане мины горела свеча, освещающая стол. Здесь вахтенный командир Сережа Корнев выписывал мандаты. На небольшом прямоугольнике бумаги — матросская бескозырка, автомат и ветвь лавра.

«Дан Дмитриеву Сергею в том, что он имеет право участвовать в операции «Бескозырка» — надпись на обороте мандата. И вслед за всеми Сергей прошел в кают-компанию.

Здесь полумрак. Бушевало море (магнитная запись). И шум нестихающего прибоя наполнял комнату, сливаясь с песнями фронтовых лет.

Смотрели на ребят со старого плаката, висящего на стене, гордые слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит».

Смотрел пожелтевший календарь: «1943, февраль...»

Смотрели окна, заклеенные, как в нелегкие годы войны, крест-накрест узкими газетными полосами. Чтобы стекла при бомбежках не вылетали.

— Здравствуйте! — В кают-компанию вошла невысокая женщина. Это Елена Ивановна Остапенко. Она была медсестрой на Малой земле. — А кто-нибудь из куниковцев, участников первой высадки, придет? — спросила она. — Я ведь не с первым десантом... Не будет никого? Ну, тогда надо пригласить. Здесь совсем недалеко живет Николай Иванович Алешичев... Давайте сходим к нему.

— Так уже половина первого! — удивленно воскликнул Сергей Корнев.

— Он не сможет отказать... — уверенно сказала Елена Ивановна. — Кто со мной?

Время — час тридцать ночи. В сорок третьем году катера с десантом уже вышли из Геленджика...

Площадь Героев. У Огня вечной славы молча выстроились ребята.

Капитан «Шхуны» произнес громко и торжественно:

— Право зажечь факел от Огня вечной славы предоставляется Елене Ивановне Остапенко.

Зазвучала музыка. Вспыхнул факел.

— На Малую землю — шагом марш!

Это километра четыре...

Идти в ногу трудно: асфальт покрылся тонкой ледяной коркой. Вышли на проспект Ленина. Широко развернулся проспект. Но наш путь туда, где еще не стоят дома. Туда, где на опаленной огнем войны земле стоит памятник-стела. Туда, где мерно шумит море.

Время — два часа сорок минут ночи. Десантники вступили в первый бой... И хотя это было давно, ребята чувствовали себя почти очевидцами. Ведь они у места высадки легендарного десанта.

Глухо шумело море. Колючий ветер развеивал пламя.

— Товарищ капитан! Участники операции «Бескозырка» прибыли к месту высадки десанта Куникова! — докладывал вахтенный командир.

Теперь слово ветеранам. Николай Иванович Алешичев вспомнил о подготовке десанта. Он был старшиной в отряде Куникова. Потом о боях на Малой земле говорила Елена Ивановна Остапенко.

Не на площади Героев, как обычно, прозвучал тихий перезвон. Не у светильника Вечного огня, а здесь, у морского прибоя, вырванного из темноты светом факела, возникла величественная и суровая мелодия «Новороссийских курантов».

В холодные волны опустили ребята матросскую бескозырку. И вслед за ней — цветы...

*Личному составу
«Шхуны ровесников»*

Дорогие товарищи! Ваша «Шхуна ровесников» плавает у берегов легендарной Малой земли, где в годы Великой Отечественной войны советские воины стояли насмерть и в жестоких боях разгромили фашистских захватчиков, освободив полностью город Новороссийск.

Вступив на эту героическую землю, я взволнован и горжусь тем, что новороссийцы в короткий срок подняли из пепла и руин свой чудесный черноморский город.

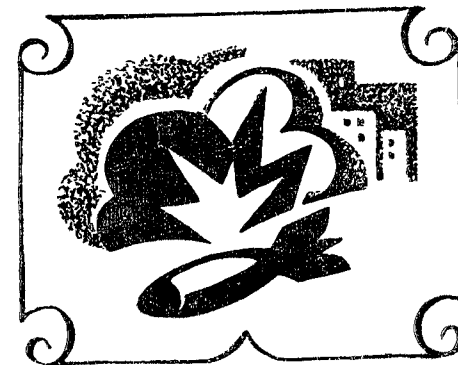
Я прошу принять меня в личный состав «Шхуны ровесников».

Постараюсь активно нести свою морскую вахту.

М. МАГОМАЕВ

14 августа 1967 года

ОТ ФЛАГ-ШТУРМАНА. Приказом № 340 Муслиму Магомаеву было присвоено звание б о ц м а н а «ШР».

ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ,
ПОВЕСТВУЮЩАЯ
О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ОДНОГО «ШХУНАТИКА»

— Когда же вы вернулись домой? — спросил Саша Демченко.

— В половине седьмого, — ответил Козловский.

— Ты еще не знаешь наших матросов, — вступил в разговор Гена Лашко. — Был у нас один «шхунатик», ну прямо сорвиголова. Звали его Лешей. Фамилия — Клотиков. Житья от него не было. То и дело норовил попасть в какую-нибудь историю. Так и сидел все время в юнгах, не мог дорасти даже до матроса. А все характер виноват...

Зашел однажды во вторую школу. Там перемена. Захотелось перекусить. А в буфете столпотворение.

Дежурный учитель тщетно пытался навести порядок.

Хоть был Леша не робкого десятка, но тут побоялся приблизиться к ребятам, штурмующим прилавок. Стоял он в сторонке и наблюдал, как вдруг на него опрокинули стакан киселя. Не выдержал юнга, кое-как выбравшись из буфета, отправился в редакцию писать заметку об этом печальном случае. Заметку напечатали. А после этого началось самое удивительное. Прочитала газету директор второй школы и попросила привести к ней «шхунатиков», ко-

торые учились в десятом классе. Когда пришли Игорь Клейман и Сергей Селезнев, директор сказала, что это возмутительно — писать в газету о том, что делается в школе, как не стыдно выносить сор из избы.

А они-то при чем? Это все юнга наделал. Правда, в буфете после этого навели железный порядок, поставили дежурных. Видите, какой этот Леша въедливый тип?

Вадумалось как-то ему пойти на судоремонтный завод. Захотелось узнать, как проходит практика у девятиклассников третьей школы. Все ему было интересно. Зашел в один цех — нет мальчишек, во второй — та же картина. А в третий и заходить не стал, потому что понял: искать надо где-то в другом месте. Вышел во двор и там никого не увидел. Потом услышал разухабистую музыку и поспешил к берегу моря. Завернул за бетонный массив и видит: ребята пытаются ловить рыбу под звуки супермодного шейка. Удивился Леша, а мальчишки ему: «Мы рады поработать, да никто работы не дает». Мастера говорят: «Некогда с вами нянчиться...»

Написал юнга об этом заметку. Прочитала ее директор третьей школы, поехала на завод и прямо к секретарю партбюро. В общем, разобрались, как проходит там практика. А Леша доволен: знай наших!

Однажды на всю команду фельетон настрочил. Что ходили, мол, в горы, принесли полный рюкзак старых осколков. Особенно понравилась всем авиамина. Целенькая и почти не ржавая. Чудо! Каждый старался поддержать ее в руках. Заняла она самое почетное место в шхуновском музее, в кают-компании.

Таскали ее и в кинотеатр на очередной кинофестиваль. Лежала мина перед экраном при красном свете, произносились над ней речи, шли фильмы...

Потом отнесли ее в редакцию, поставили на стол капитану-наставнику (тому, что теперь флаг-штурман). Хотели отбить боеголовку, чтобы поставить в мину цветочки, да кстаи пришел в редакцию нештатный корреспондент Жора Тункин, служивший в армии сапером. Увидел Жора мину и побледнел. Попросил капитана-наставника немедленно свернуть из газеты кулек. Положил туда Тункин мину, попрощался со всей командой и очень осторожно вышел... Долго не звонил. Потом в редакции раздался звонок. Клотилов бросился к телефону, снял трубку...

Яма была глубиной в полтора метра, а диаметром — в два! И никто, конечно, не пострадал... А Леша снова заметку в газету.

— Молодец ваш Леша! До всего ему дело! — восторженно воскликнул Володька Лебедев. — Где он сейчас? Поступил, наверно, в мореходку?

«Старички» переглянулись.

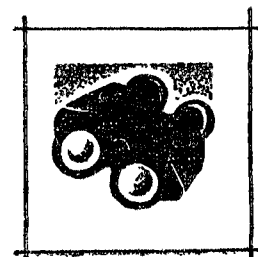
— А его и не было! — объявил Козловский.

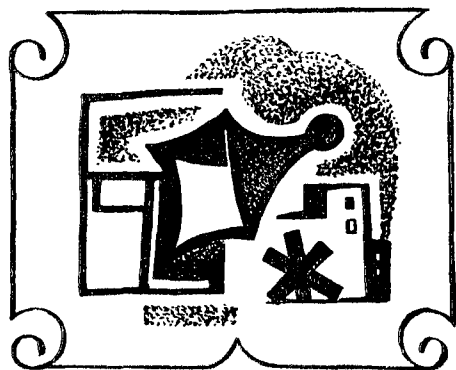
— Как? — поразился Гречихин. — Так кто же тогда писал?

— А все мы вместе... Или по очереди...

— Вот это да! Может... вернем его? Из... мореходки? Дел ему найдется! — предложил Володя. Ведь как не хватает порой такого глазастого юнга...

— Вернем! — твердо пообещал капитан Шкуратов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ О ПЛАВАНИИ НА ПАРАЛЛЕЛИ ФАНТАЗИИ

Что-то слишком долго засиделись мы с тобой, товарищ читатель, на пятом этаже дома по улице Московской.

Пойдем побродим?

Только не по набережным и улицам, а по страницам старых судовых журналов. И ты продолжишь свой путь, как и «Шхуна», от бухты Мечты к Голубому берегу.

Но прежде чем отправиться странствовать, пожалуйста, на секунду закрой глаза. Представь синюю морскую гладь, белоснежный корабль...

Представил?

Шторм продолжался неделю. Пока наконец не стих. Тучи рассеялись, небо заголубело, волны мерно закачали наш корабль.

И, подняв все паруса, он устремился на юг. Через море Дружбы к острову Отважных Сердец легко и стремительно неслась шхуна, а свежий соленый ветер задорно свистел в снастях...

В капитанской рубке тишина. Каждый год приходит время пересечь годовой меридиан.

— Да, девять лет... — вполголоса проговорил адмирал-наставник. — С тех пор, как мы вышли из бухты Мечты... Собери-ка, капитан, вечером команду, — попросил Георгий Никитич Холостяков Толю Шкуратова.

Как стемнело, трель звонка боцманской дудки разнеслась по шхуне. Боцман звал всех на бак.

Матросы и юнги рассаживались на бухтах каната, на банках.

— Что сейчас будет? — поинтересовался какой-то новенький курсант, рыжий парень с облупленным носом.

— А ты что, впервые? — удивился Серега Давыдов, бывалый моряк. — Наверно, пресс-конференция сейчас начнется. У нас такой обычай, — вразумлял он курсанта, — часто проходят встречи с интересными людьми. Подожди, кто это вышел в круг? А, наш глашатай!

— Кто? — переспросил рыжий.

— Глашатай! Неужели ты Юрия Борисовича не знаешь?

— Не-е... А кто это? — простодушно спросил новенький.

— Диктор московского радио Левитан! — отчеканил Сережа. — Подожди, уже задают первый вопрос. Видишь, Володька поднял руку.

— Кем вы мечтали стать в четырнадцать лет?

— Киноартистом! — улыбнулся Юрий Борисович. — Жил я тогда во Владимире. Летом с мальчишками часто пропадал на берегу Клязьмы. Она там широкая и глубокая, не то что у Москвы. Переплывали через реку, купались, загора-ли... Помню, часто ко мне обращались мамы мои друзей: позови сына! Уж очень я громко кричал. Так, что и на другом берегу реки было слышно. А ребята слышат мой голос и знают: мать зовет...

Когда смех стих, со своего места поднялся Саша Демченко.

— Расскажите о своем первом выступлении у микрофона! — попросил он.

— Мне было семнадцать лет, — начал Левитан, — когда я впервые пришел на радио. Прошел конкурс и, неожиданно для себя, был принят. Сразу же мне поручили вести концерты грамзаписи. Дело нехитрое: ставь пластинки и объяв-

ляй, что за чем идет. Потом — вести передачу для домашних хозяек. Я долго думал, как сделать ее лучше. Думал до дня передачи. А когда вышел в эфир, очень громко и выразительно прочитал: «Всем! Всем! Всем!» Так, что и самому понравилось... А после передачи подошли ко мне наши радиожурналисты, смеялись, шутили, хлопали по плечу: «Ну, Юра, будет из тебя толк! Объявил так, что все побросали работу!»

Правда, вызвал меня потом начальник отдела и очень сильно отчитал... Так закончилось мое первое выступление. Когда это было?.. Да, двадцать третьего ноября тридцать первого года.

— А день начала войны помните? — спросила Надя Черная, сидящая у самого борта.

— Как же его забыть? Невозможно.... — помолнав, серьезно сказал глашатай. — Вспоминаю июньское утро, ранний звонок домой. «Срочно, немедленно, бегом на работу!» Радиокомитет. Шесть часов утра. Кругом взволнованные лица... Ничего не понимаю! Где-то рядом тихий женский плач... Война! А тут еще телефонные звонки наших радиокорреспондентов. «Киев бомбят!», «Над Одессой вражеские самолеты!», «На проводе Каунас! Город горит, что объяснять населению?»

«Приготовиться! — сказали мне. — В двенадцать часов...»

Голос Юрия Борисовича дрогнул. Он помедлил немного. Но затем продолжил:

— И вот, друзья, в двенадцать часов двадцать второго июня сорок первого года на весь мир прозвучали слова... — Голос налился силой. Металл послышался в нем. — Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра, без всякого объявления войны германские регулярные части атаковали границы Советского Союза...

Совсем стемнело, свет фонарей освещал лица ребят. Все с огромным вниманием слушали глашатая...

— Какой самый памятный день в вашей жизни? — задал вопрос Гена Лашко.

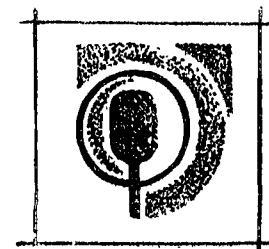
— Конечно, тот, когда мне выпало счастье объявить Победу... В два часа десять минут ночи. Девятого мая...

Море тихо качало шхуну. Был поздний час, а завтра — ранняя побудка...

Не удивляйся, пожалуйста, дружище, тому, что ты услышал на белоснежном корабле нашей Мечты. Такая пресс-конференция была на самом деле, а где она проходила — на суше ли, на воде, — так ли это важно? И пусть не бегал по палубе боцман, не стоял у штурвала рулевой, не склонялся над картой штурман и не сидел в бочке впередсмотрящий, мы знаем, что старшие друзья всегда рядом с нами. Они помогают и словом, и делом.

Ты можешь подумать: на «Шхуне» одни праздники. А чем ребята заняты в будни?

Прочитай следующую главу.

Письмо из Актюбинска

Дорогие ребята!

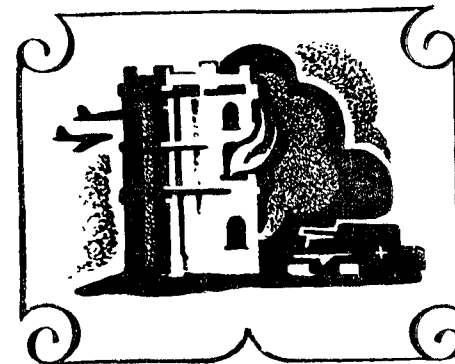
Я с огромным интересом посмотрел по Центральному телевидению передачу о вас. У вас так интересно! Так здорово! Даже зависть берет.

Мне четырнадцать лет, учусь я в седьмом классе. И мечта у меня — стать моряком.

Дорогие ребята, если сможете, пришлите мне тельняшку...

Валерий ГОЛЬ

ОТ ФЛАГ-ШТУРМАНА: Ушла в Казахстан небольшая посылка. В ней полосатая тельняшка, «матросская душа»...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ О ПОИСКЕ, КОТОРЫЙ ВЕЛА «ШХУНА»

Известно, в те дни, когда немецко-фашистские захватчики входили в Новороссийск (начало сентября 1942 года), когда наши войска вели ожесточенные бои за город, на Октябрьской площади двое мальчишек на несколько часов задержали продвижение врага. Они погибли...

На палубном сборе решили: узнать имена юных героев, постараться найти их родственников.

— Надо обратиться к жителям города по радио!

— А может быть, стоит и в газете? — предлагали ребята.

Решили использовать оба пути.

К Октябрьской площади подошли, когда уже чуть стемнело.

И в первом же доме, в который мы постучались, нам сказали:

— Так разве их было двое? Был один. Витя Новицкий.

А вскоре в редакцию позвонили из Дворца пионеров. Руководитель штаба красных следопытов показал «шхунатакам» письмо.

— Сегодня получили из Кизляра, от Марии Петровны

Новицкой, матери Виктора. Она тоже утверждает, что Виктор был один в башне. А это фотография. Вот он, Витя, третий справа в верхнем ряду.

Симпатичный мальчишка с чуть раскосыми глазами...
Вот, что мы узнали о юном герое.

...Сколько часов длился бой, Витя уже не помнил. Он стрелял и стрелял и боялся лишь одного: что могут кончиться патроны.

Горело небо, пылал Новороссийск, и плыли над Цемеской бухтой черные шлейфы дыма.

Стены старинной башни на Октябрьской площади были полуметровой толщины, сложенные из керченского камня-известняка, они могли бы выдержать любой обстрел.

На подоконниках стояли пулеметы. А у двери — ящики с патронами и ручными гранатами, бочка с водой. Сухарей было достаточно, чтобы продержаться не один день...

Витя оглянулся.

У стены лежат его товарищи: веселый моряк Василий и солдат, имени которого Витя не знал и теперь уж никогда не узнает...

В подвале неподалеку от башни дожидается мать с братишкой и сестренкой. Витя даже не смог предупредить, что он тут.

Как он уговаривал Василия, чтобы тот разрешил помогать ему. Витя таскал ящики с боеприпасами, носил воду. А Василий все прогонял его. Но ведь эта башня — Витькин дом!

Не успел Василий отослать Витю в подвал. В глубине улицы Декабристов показались фашисты и начали обстрел башни.

Мальчишка остался. Бегал по этажам, подносил патроны. Взяв гранаты, выскакивал из двери первого этажа и бросал их в приближающихся врагов.

О, как хотел он уложить их побольше! Как ненавидел он этих гадов в квадратных касках, их наглую походку, когда они шли с автоматами наперевес, засучив рукава, как палачи. Они и были палачами.

Полгода назад Витя уже убегал на фронт под Керчь.

Но его оттуда вернули. Узнал комиссар, что мальчишке четырнадцать, и велел живо отправить в тыл.

На память о керченских боях остались Витьке черные флотские брюки и солдатская гимнастерка. А тельняшка у него была своя. Ведь он давно решил стать моряком; как только седьмой класс окончит — в мореходку.

Отец ему говорил: «Ничего, Витюха, все сбудется, когда вырастешь...»

Ушел отец с десантной частью и не вернулся.

...Витю поразила наступившая вдруг тишина. Чуть поднял голову над щитком «Максима», поставленного на подоконник. Никого не видно.

Подошел к другому окну — пустынно на улице Декабристов.

Над обугленными траншеями стлался дым.

Почувствовав сильную жажду, Витя подошел к бочке с водой. Глянул на отражение в воде и не узнал себя. Волосы потемнели, лицо все в копоти и саже...

Через день ему исполнится пятнадцать. Что успел сделать в жизни?

Жарил пятки на раскаленной солнцем гальке, нырял до посинения с бетонного мола, читал запоем книжки. Горевал, получив за контрольную «пару», и, светясь счастьем, неся домой из школы, где ему только что повязали красный галстук...

Не плакал, когда разбивал в кровь коленки или рвал штаны, на удар отвечал ударом, терпеть не мог, когда обижали малышей. Всегда стоял за справедливость.

...Лязгнула пуля о бочку. Витя отпрянул в сторону, подскочив к пулемету, нажал на гашетку.

Рассыпалась по подворотням цепь гитлеровцев. Двое остались лежать поперек улицы.

— Ага! Бойтесь? А ну-ка сунься, кому охота!

Зло огрызнулись минометы. Витя нагнул голову и бросился к ручному пулемету, стоящему у другого окна.

Откатилась рота гитлеровцев.

Эх, сюда бы его друзей! Но ничего, он и один справится! Долго будут фашисты помнить Витьку Новицкого!

Распахнул ворот гимнастерки: пусть гады видят тельняшку — моряки не сдаются!

Над городом летели вражеские бомбардировщики. Услы-

шав характерный гул, Витя оторвался от пулемета и посмотрел вверх. Самолеты приближались к Октябрьской площади. Взрывы сотрясали башню.

Двое гитлеровцев пробили замурованное кирпичами окно первого этажа и проникли в башню.

Скрипела лестница под их сапогами.

Но Витя не слышал. Он опять был у пулемета и стрелял.

Его ударили сзади автоматом по голове. Мальчик потерял сознание.

Тогда его швырнули на подоконник, облили спиртом.

Один из солдат чиркнул зажигалкой...

Горящим факелом падал со второго этажа башни Витя...

В Новороссийском горисполкоме

В связи с 25-летием разгрома немецко-фашистских войск в Новороссийске, в целях увековечивания памяти советских людей, проявивших героизм и мужество в годы Великой Отечественной войны, исполком городского Совета депутатов трудящихся принял решение изменить названия некоторых улиц.

...Бывший переулок Педагогический назван именем Вити Новицкого.

(„Новороссийский рабочий“, 11 сентября 1968 года.)

УДОСТОВЕРЕНИЕ

НОВИЦКИЙ ВИКТОР, ученик 6-го класса средней школы № 1 г. Новороссийска, Краснодарского края.

ЗАНЕСЕН В КНИГУ ПОЧЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

за героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны (посмертно).

Постановление Бюро Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина от 22 февраля 1973 г.

ИЗ ЛОЦИИ ПЛАВАНИЯ «ШХУНЫ РОВЕСНИКОВ»

Атолл Орленок

Заходя в море Дружбы, по семидесятой параллели, ты увидишь небольшой атолл Орленок. Со всех сторон шумит прибой, а внутри атолла находится лагуна Орлят. По названию лагуны атолл называли этим красивым, мужественным словом. Здесь вечно стоит тишина, изредка нарушаемая криками чаек и шумом прибоя. Глубина лагуны 15—20 метров.

На берегу лагуны — большой белый обелиск. И на его вершине — рвущийся в небо каменный орленок.

Обелиск этот воздвигнут в честь юных героев-орлят, павших в боях за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

К обелиску прикреплена мраморная доска черного цвета. На ней золотом горят имена павших юных героев.

«Ваня Савинов, Виктор Новицкий, Лида и Вадим Кушпели, Володя Буряк, Виктор Чаленко».

Эти славные ребята погибли, когда им было четырнадцать, пятнадцать лет...

Каждый год, 16 сентября, в день разгрома под Новороссийском фашистских полчищ, приплывают сюда на барках, бригантинах, белоснежных лайнерах много, много людей, чтобы почтить память юных героев.

ГЛАВА
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
«КРАСНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ» И «ПОРОХ И РОЗЫ»

Передо мной судовой журнал «Шхуны».

В графе «Курс плавания» надпись: «Остров Тюльпана». Значит, у «Шхуны» предвидится новая операция «Красные тюльпаны».

Хочешь, расскажу про нее?

«Красные тюльпаны» — операция традиционная и, пожалуй, самая любимая. Каждый год в конце апреля, когда зацветают на горном перевале красные и желтые тюльпаны, проводят ее ребята.

Уходят в горы утром, а к вечеру возвращаются с огромными букетами. И через два-три часа передают цветы проводникам скорого поезда Новороссийск—Москва.

А через сутки, когда поезд приходит в столицу, встречают его друзья «Шхуны» — москвичи.

Первого мая они приносят букеты цветов, выросших на горном перевале, московским членам экипажа «Шхуны» — адмиралу-наставнику, штурману, впередсмотрящему, глашатаю, старшему механику, мичману...

Словом, всем, кто принимает участие в делах «ШР».

На листе теснятся машинописные строчки.

ПРИКАЗ № 322
по «Шхуне ровесников»

За успешное завершение операции
«Порох и розы» объявить
А.Н.Ефремову благодарность.

СОВЕТ «ШР»

Что за операция? — спросишь, очевидно, ты.

Как-то на палубном сборе ребятам пришла идея: вот было бы здорово возложить цветы на могилу Карла Маркса в Лондоне. В то время во всем мире отмечали столетие со дня рождения великого вождя пролетариата.

Но как это сделать?

Вряд ли цветы могут сохраниться, если их отправить из Новороссийска. Лучше всего попросить кого-нибудь в Лондоне купить цветы на деньги, присланные новороссийскими ребятами.

А кого попросить?

Спорили долго. Спорили до хрипоты. Хотели даже обратиться за помощью к летчикам внуковского международного аэропорта.

Как всегда, решение пришло неожиданно.

— Давайте попросим сделать это собственного корреспондента «Комсомольской правды» в Лондоне! — предложил кто-то.

— Правильно! — поддержали все.

Подвахтенным за проведение операции назначили пушкаря Лёню Петрова (он заканчивал третью школу, а в «Шхуну» ходил чуть ли не два года).

Деньги, десять рублей, взяли из гонорара за статьи в газете. А вот переслать их в Лондон можно было, лишь получив разрешение Министерства финансов СССР.

Прошло время, и на палубном сборе прочли такое письмо:

Валютное управление сообщает, что Министерство финансов СССР разрешает перевести 10 рублей в Лондон в адрес корреспондента «Комсомольской правды» на расходы, связанные с возложением цветов на могилу Карла Маркса.

Деньги отнесли на почту. Одновременно дали телеграмму в Москву, в редакцию «Комсомольской правды».

Телеграмма

Деньги отправлены. Просим передать вашему собственному корреспонденту Ефремову огромную просьбу возложить цветы на могилу Маркса от имени новороссийских школьников.

Команда «Шхуны ровесников».

Через несколько месяцев пришел в Новороссийск очередной номер «Комсомолки». В нем сообщение о том, что 18 января 1970 года в Лондоне на Хайгетском кладбище фашиствующие подонки пытались разрушить памятник на могиле Маркса. Они подложили самодельную бомбу под каменный постамент бюста Маркса, но гранит устоял, лишь только покрылся следами пороха. Фашисты бежали, оставив свой мерзкий знак — свастику.

Были в статье Александра Николаевича Ефремова и строки, которые прямо касались «Шхуны».

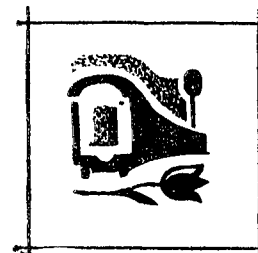
Я вспоминаю сейчас день, когда я пришел сюда, к памятнику Марксу, чтобы выполнить поручение, данное мне школьниками, пионерами и

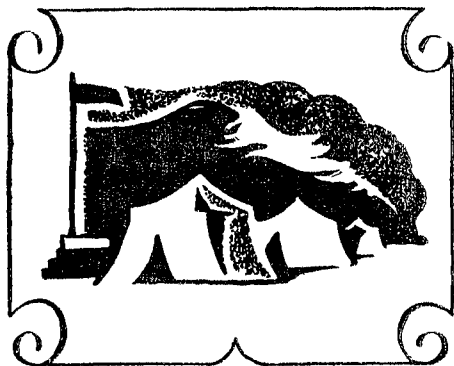
комсомольцами города Новороссийска. Пользуюсь этим случаем передать ребятам через газету, что их цветы на могиле великого основателя марксизма не пострадали от взрыва. И еще мне хочется сказать новороссийским комсомольцам о том, что среди их ровесников на Британских островах несравненно больше тех, кто приходит сюда, на Хайгетское кладбище, не со взрывчаткой, а с цветами.

Ребята и не предполагали, что название операции окажется пророческим.

Порох лег на нежные лепестки роз в далекой Англии, туманном Лондоне.

Это было за тысячи километров от нашего города. А мне вспомнился случай, произошедший со «Шхуной» на горном перевале...

ГЛАВА
ПЯТНАДЦАТАЯ,
ИЗ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ
ПРО СЛУЧАЙ НА ПЕРЕВАЛЕ

Собирались на улице Водной. Это у завода «Октябрь», почти на самой окраине.

Операция называлась «Бригантиной». Каждый год проводится она в одно и то же время — в ночь с двадцать второго на двадцать третье сентября. На рассвете этого дня в сорок втором году погиб Павел Коган...

В 15.00 первая группа вышла в город. А через час — вторая. Солнце уже начало заходить, когда в небольшой ложине за перевалом поставили последнюю палатку. И тут же прозвучала команда к построению.

Наш город получил название Семиветровск. Ведь он и в самом деле стоит на перекрестке всех ветров.

Командиром похода был в тот раз Сережа Дмитриев.

Весь вечер в пятницу он сидел дома, набрасывал план операции, чтобы ничего не забыть в субботу. А потом до двух часов ночи рисовал эмблему палаточного города, пока мать не погнала спать...

Открыв Семиветровск, Сергей в последний раз проверил график несения караула.

Порядок такой: на вершине Сахарной головы у флага-

памятника могут находиться только караульные. По узкой тропинке, вооружившись фонариками, вверх отправляются первые.

Затем их сменяют другие ребята. И так до шести часов утра.

Звездное небо плывет над горами. А далеко внизу — в черной воде моря отражаются, переливаются тысячи огней. Хорошо стоять здесь всю ночь и любоваться сказочной красотой. Но пора сменяться. Вон по перевалу движутся огоньки фонариков...

— Товарищ начальник караула, за время несения вахты никаких происшествий не случилось... Разрешите оставить пост!

— Разрешаю! — говорит Саша Голопышко (или Саня — Метр Девяносто, как зовут его и на «Шхуне» и в школе, где он учится в восьмом классе). — Новой вахте занять пост!

Но сегодня случилось непредвиденное...

— Смотрите, что это? — Голос одного из караульных, Володи Козловского, был тревожен.

Одинокая вершина, стоящая примерно в километре от Сахарной, странно светилась.

Отсюда, от флага, ее было хорошо видно.

— Наверно, там идут киносъемки... — вслух подумал кто-то. — Ну точно, у нас же сейчас в городе «Мосфильм» снимает. А вы разве не знали?

— Пошли посмотрим!

Сказано — сделано.

Оставив одного караульного, ребята пошли в сторону светящейся вершины. Шли не торопясь, оживленно обсуждая, какой эпизод из кинофильма «Расплата» может сниматься ночью на перевале.

Ветер принес запах гари.

— Это же трава, наверное, горит!

И все бросились вперед.

Низким пламенем горела трава. То ли от неосторожно брошенного кем-то окурка, то ли от дымящегося пьеза охотника, невзначай оброненного, загорелась она. Ветер гнал пламя все дальше и дальше.

— Там же лес! Совсем сухой! — воскликнул Сережа Корнев.

— Вмиг запыляется! — ужаснулся Владик Бурухин.
Кругом сухая листва, сухие ветки... Все ручки пересох-
ли. До города — пять километров. Что делать?

А надеяться можно было только на себя.

Добежать до Семиветровска уже не было времени.

— Вперед, братцы, — тихо сказал Козловский и снял куртку. За ним снял свою и Владик.

Мальчишки и девчонки побежали наперерез пламени, ползущему по земле.

Володя и Владик тушили огонь куртками. Сережа, Лена и Люда затаптывали его ногами, забрасывали землей...

Огонь медленно отступал. Разгоряченные ребята не замечали, что горят кеды и дымятся куртки. Они стояли на перевале, как на линии фронта, и метр за метром отступал, сдавался враг...

Путь огню к лесу был отрезан.

И тут наконец-то подоспела помощь.

Из города ехали на автобусе рабочие Новороссийского лесхоза. Увидели они огонь на перевале и сразу поняли, в чем дело, захватили с собой лопаты, кирки. Боялись одного: опоздать.

Дело пошло гораздо быстрее. Вот потушена последняя огненная полынья. И тогда победители собрались вместе на вершине. Директор лесхоза Борис Николаевич Мясоедов жал руки, благодарил за помощь, говорил добрые слова.

А лес темнел до самого горизонта, и где-то далеко светились огни маленького поселка. Там не узнали, что случилось на перевале.

— Давайте никому ничего не рассказывать, — предложил Владик Бурухин. — Кому какое дело?

— Давайте! — согласился Володя Козловский.

— На Сахарной наши! — шепнула Лена Пронченкова. — Неужели заметили?

— Нет, — мрачно сказал Володя, разглядывая сгоревшие кеды, — вечерняя поверка.

— Взгреть бы вас, — встретил доблестную группу капитан. — Ходите где-то. Становитесь в строй.

Недавние герои молча стали в шеренгу у флага.

Здесь, при свете фронтовой коптилки, которую все пытался погасить ветер, участники операции получали мандаты — маленькие фотокарточки с изображением парнишки, встречающего восход...

Письмо из Москвы

Меня часто спрашивают: «Как сочинилась песня «Бригантина»?

Очень просто сочинилась.

Познакомился я с Павлом Коганом заочно, по радио. Радионаушник возле больничной койки, где я лежал со сломанной ногой, зашептал стихи. Я стал слушать: передавали выступления победителей детской поэтической олимпиады. Юношеский голос, напористый и звонкий, читал немного нараспев, как читают поэты:

Я иду, а у сердца лестница.
Только вот попробуй спой-ка:
Страна моя, моя ровесница,
Грандиозной легла стройкой.

Стихи были красивые, солнечные и показались мне тогда «по-взрослому» зрелыми. Вскоре я встретился с Павлом.

Мы быстро подружились, виделись почти ежедневно. И вот этот осенний солнечный день в моей комнате. Читали стихи. Курили. Я что-то наигрывал. Не помню, кому из нас пришло на ум сочинить песню, но мы сразу принялись за дело. Павел через несколько минут показал мне первое четверостишие:

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

Я никогда прежде не сочинял музыку да и нот как следует записать не умел, играл по слуху. Тем не менее я храбро взял бумажку с текстом и сел за рояль, не сомневаясь в успехе, а Павел пошел в соседнюю комнату дописывать стихи.

Написав новое четверостишие, он выходил ко мне и читал.

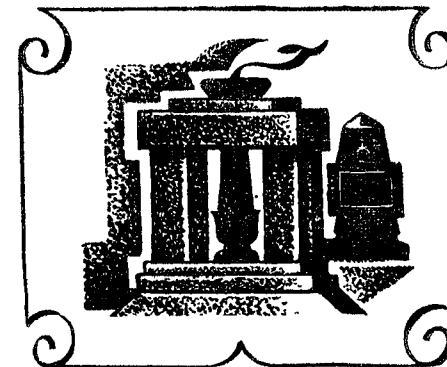
Тем временем я импровизировал мелодию. Сначала пришла музыкальная фраза на последние две строчки, а потом придумалось и начало. Кажется, не прошло и двух часов, как «Бригантина» была готова к «спуску на воду».

Откровенно говоря, авторы остались довольны своим произведением. Понравилось оно и нашим друзьям. Хотели даже послать песню в адрес снимавшегося тогда кинофильма «Остров сокровищ», да так и не рискнули. Мы часто пели «Бригантину».

Года два она не выходила за пределы узкого круга друзей, а потом я был призван в армию. Там до меня доходили слухи, что нашу песню поют и незнакомые люди.

Началась война, связь прервалась. О гибели Павла Когана под Новороссийском я узнал в 1943 году. А песня тем временем поплыла своими неведомыми путями...

Георгий ЛЕПСКИЙ,
научный сотрудник Академии
педагогических наук СССР

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ — ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Никто не знал, что ровно в час ночи от Огня вечной славы был зажжен факел. Группе из семи ребят, которую возглавлял Володя Зигура, поручили выполнить особое задание: доставить на вершину Сахарной головы священный огонь с площади Героев.

Его предстояло пронести через весь город и поднять в горы.

Часа через два начали подъем по узкой каменистой лощине...

В половине пятого утра пришли на место. Володя оставил всех у развалин немецкого блиндажа, а сам прошел немного вперед. Здесь, недалеко от вершины Сахарной, будет хорошо слышен условный сигнал.

С каждой минутой приближался восход. Заполненные туманом, плыли долины...

Со «Шхуной» Володя не впервые, и Сахарную облазил вдоль и поперек. Не раз и с уроков отпрашивался, чтобы принести в редакцию заметку для номера «Шхуны». Но больше всего ему нравились операции. Тут уж полный простор для фантазии.

Он чуть не зазевался. По гребню горы уже двигалась цепочка. Надо предупредить своих...

Свисток боцманской дудки. Условный сигнал.

И начался палубный сбор.

— Товарищ капитан! Факел, зажженный от Огня вечной славы в орденоносном Новороссийске, на высоту Сахарная голова доставлен! — четко отдал рапорт Володя Зигура.

Рядом с ним — его боевая группа.

У флага на вершине сейчас выстроились мальчишки и девчонки.

Капитан Сергей Дмитриев скомандовал:

— Начать утреннюю поверку!

В чистом и свежем утреннем воздухе звучали имена.

— Павел Коган...

— Погиб двадцать третьего сентября сорок второго года, — отвечает Володя Козловский.

— Виктор Новицкий...

— Погиб восьмого сентября сорок второго года при защите города, — говорит Сережа Корнев.

— Толя Масалов...

— Не вернулся из разведки.

И в память павших на Сахарной голове минута молчания.

— Зажечь Огонь вечной славы! — приказ капитана.

В заржавленной каске одного из безымянных защитников Новороссийска, лежащей среди серых камней, вспыхивает огонь. Он будет теперь зажигаться каждый раз, когда «Шхуна» станет проводить «Бригантину».

— Рот Фронт! — подняли кулаки ребята.

А потом взвилось очередное полотнище флага-памятника, присланное из Армавира, от членов клуба «Звездолет романтиков».

На Сахарной голове было уже много флагов от друзей «Шхуны»: из белорусского города Кричева (туристский клуб «Вертикаль»), из Жданова (легион «Подвиг» клуба будущего воина), из Тулы (батальон «Факел» бригады «Искатель»), из Москвы (студенческий отряд педагогического института имени В. И. Ленина), из Петропавловска-Камчатского (от ребят школы № 7).

Решила «Шхуна» провести эстафету флагов, посвященную 25-летию победы над фашистской Германией. Написали

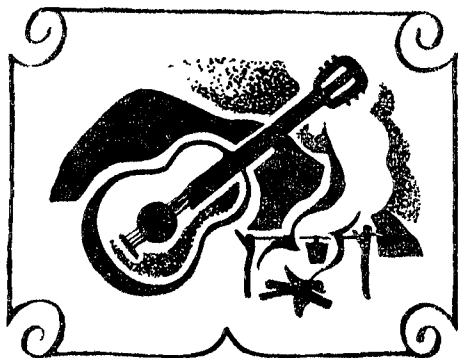
письма во все большие города, выступили по всесоюзному радио в передаче «Ровесники».

И начали приходить в Новороссийск бандероли с алыми полотнищами. Поднимались над Цемесской бухтой флаги из Норильска, Омска, Красноярска, Ростова-на-Дону, Судака, Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок»... А однажды мы получили посылку из Тульской области, от ребят Бучальской средней школы. Они тоже отозвались на наше обращение, и вскоре поднялся на Сахарной голове тульский флаг...

Знаешь, товарищ читатель, ты ведь тоже можешь принять участие в этой необычной эстафете.

Размер флага: полтора на два метра. В левом верхнем углу — звезда и якорь. А внизу напиши название своего города. Только, пожалуйста, масляной краской. Льют ведь дожди, шумят ветры над горным перевалом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, ПРОПАХШАЯ ДЫМОМ КОСТРА

Как видишь, у «шхунатиков» много друзей. Их становится все больше. Вовсю работает шхуновская радиорубка, получая письма со всей страны. И хотя за переписку отвечают начальник рубки и два радиста, нередко им на помощь приходят другие ребята: всем интересно узнать, как живут другие мальчишки и девчонки.

Письма читаются прямо на палубном сборе.
Вот так же прочли письмо, пришедшее из Туапсе.

...Приезжайте, друзья, к нам! Лагерь наш будет расположен в прекраснейшем месте! Рядом река, которая по ночам будет петь колыбельные песни. Горы — в снежных папахах.

А лес — многотысячное войско, стерегущее наш покой. Мы будем пить воздух, настоящий на облаках...

Все у нас будет необыкновенно, и сами мы станем необыкновенными.

«Пилигримы»

Приехали в Туапсе и познакомились с «вечными странниками». (Ведь слово «пилигрим» означает именно это.) «Пилигрим» оказался туристско-краеведческим клубом для старшеклассников. Руководят им бывшие вожатые республиканского пионерского лагеря «Орленок» — Владимир и Галина Черноволы, Володя — командир клуба, Галя — комиссар. Сейчас они уже геологи, но работу с ребятами не оставили.

Их квартира на улице Софьи Перовской, 5, получила пилигримское название — «Муравейник». И правда, иного не скажешь, если побываешь здесь вечером, когда собираются все члены клуба.

Открыли «пилигримы» свой краеведческий музей. Собрали множество коллекций — минералов, древесных пород, пресмыкающихся...

Есть у них свои законы.

«Горы не любят слабых, черствых. К вершине в одиночку, без друзей не пройти».

«Если ты пришел в лес — стань его другом. Мы охотимся только с фото- и кинокамерами».

«Если елке надо умереть, чтобы попасть к нам в дом, бросим дом и уйдем в лес к живой елке».

Вот и встречают «пилигримы» каждый Новый год далеко в горах, у заснеженной, пушистой елки...

Свыше двухсот походов совершили они! Но все же главное — дух товарищества, который незримо пронизывает все, что делают «пилигримы».

Надо было купить новое туристское снаряжение — они строят жилой дом в поселке Агой.

Не было денег на многодневный поход — весь клуб выходит убирать яблоки в Ново-Михайловском совхозе.

И поднимаются каждый год к небу брезентовые стены палаточных городов — Пилигримска, Гринграда...

Часто в гостях у туапсинцев были и наши ребята.

Они участвовали во многих делах «пилигримов», во многих походах.

Мне хочется вспомнить один.

Поход, который туапсинцы посвятили годовщине Великого Октября.

Выехали мы на рассвете 6 ноября. До Лазаревской добрались на попутных машинах. Оттуда на рейсовом автобусе еще добрых тридцать километров.

Выгрузили рюкзаки, осмотрелись.

Шумела внизу бурливая Шахэ.

— Дожди в горах начались, — сказал Володя Черновол. — Но где наша не пропадала?

Предстояло идти к Главному Кавказскому хребту.

Дорога старая, давно забытая. Ходят по ней лишь лесники да охотники. А раньше, в годы Великой Отечественной войны, по ней доставляли оружие и боеприпасы защитникам Кавказа.

Громыхали здесь тяжелые, неповоротливые орудия, подпрыгивали в ящиках патроны.

Сейчас идем мы, «пилигримы» и «шхунатики», двадцать два человека.

Заночевали тут же, не сходя с дороги. Сойти и некуда — внизу обрыв с бешено kloкочущей рекой, вверху — скалы. Поднимались весь следующий день. Лезли вперед, срезая углы и карабкаясь по глинистым склонам. Лишь к вечеру оказались у цели, на высоте Главного Кавказского хребта.

Вставал слева Фишт, в синей глубине громоздились белые вершины...

Долго стоять и любоваться видом на Кавказ не пришлось. Темнело быстро, а надо было нарезать папоротник для подстилки, собрать хворост, поставить палатки.

Жарко разгорелся огромный костер. Отбрасывал блики на лица мальчишек и девочек...

Было Седьмое ноября. В честь праздника — салют. Галя Черновол вручает представителям разных городов — Новороссийска, Москвы, Ростова-на-Дону — по горсти каштанов.

Падают в огонь каштаны и взрываются, разбрасывая искры...

Но пора спать. Ведь завтра снова в путь...

С самого утра лил дождь. Мелкий и холодный, размыл дорогу. Мы свернули в лес, шли по нему чуть ли не весь день.

Потом — неприступный Грачев венец. Вздвигшиеся скалы, устремленные в небо. Внизу, за водоворотом туч — долина. Над пропастью вьется узкая, скользкая тропинка. В тумане легко ее потерять. Но мы выходим на горный хребет.

— Что за перевал? — спрашивают ребята у Володи Черновола.

— Безымянный, — отвечает он.

В пожухлой траве притаились окопы. Заржавленный штык. Пробитая осколками каска. Жестокие бои шли в этих местах.

Встает в тумане неясное очертание какого-то дома. Откуда он здесь? Размышлять не приходится. Спешим укрыться...

В охотничьем балагане, сколоченном из досок и фанеры, звучат смех и шутки.

«Пилигрим» Саша Дубинский, худощавый черноглазый парнишка, озабоченно настраивает подмоксую гитару.

— Споем что-нибудь? — предложила комиссар Галя, видя, как все чуточку приуныли. — «Шхуна», есть какая-нибудь идея?

— А ведь сегодня, вы знаете, день рождения Александры Николаевны Пахмутовой! — вспомнил Сережа Корнев. — Девятого ноября... (Еще бы «шхунатику» не знать дня рождения впередсмотрящего!)

Какой концерт был дан на перевале!

За всю свою долгую жизнь не слышали сосны и пихты столько песен!

Пели ребята задумчивую «Нежность», призывную «Орлята учатся летать», задиристую «Мальчиш-Кибальчиш»... Пели до хрипоты.

Костер потрескивал немного, стучал дождь по фанерной крыше... Все новые песни звучали над безымянным перевалом...

И вдруг комиссар тихо сказала:

— В день рождения принято делать подарки? Давайте подарим Александре Николаевне вот этот перевал!

— Как? — удивились ребята.

— Очень просто! У него же нет имени. Теперь будет называться перевал Александры Пахмутовой! Согласны?

Возражающих не было. И снова зазвенела Сашина гитара, и новые песни впередсмотрящего понеслись над горами.

Ребята пели, а я припомнил давний летний вечер, когда впервые услышал песню Пахмутовой. Было это в пионерском лагере на берегу Черного моря.

— Кино привезли! — орал босоногий малыш, мчась от ворот.

Там уже стоял грузовик, с которого киномеханик сгружал аппаратуру. Мальчишки столпились у машины, и каждый старался чем-то помочь механику, донести до кинобудки какой-нибудь ящик.

Мне досталась коробка с пленкой. Шагая по песчаной дорожке, я прочитал на белой этикетке название фильма: «По ту сторону». Тогда я еще не читал романа Виктора Кина и не знал, о чем фильм с таким непонятным названием.

Когда совсем стемнело, все отряды расселись на длинных деревянных скамейках, зажужжал киноаппарат и осветил полотняный экран.

Шел далекий двадцатый год. Разгар гражданской войны. Дальний Восток боролся с интервентами. И два паренка в качающемся на поворотах вагоне, два юных рыцаря Революции, пели:

Забота у нас такая,
Забота наша простая,
Жила бы страна родная
И нету других забот...

Проносились по берегу моря электрички, шарили лучи пограничных прожекторов, а из хриплого динамика несло:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет.
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет...

Стучал дождь по фанерной крыше охотничьего балагана, негромко звучали песни, а я вспоминал поездку в Москву, когда я заходил к впередсмотрящему по очень важному делу.

В просторной комнате — большой рояль, полным-полно книг, пластинок. Над раскрытой клавиатурой рояля — листки нотной бумаги, густо исчерканные маленькими значками.

Александра Николаевна расспрашивает меня о «Шхуне». Ей все очень интересно.

— А песни мои уже на дне моря? — улыбаясь, спрашивает она.

— Да, давно положили... А это — вам!

И я вручаю Пахмутовой удостоверение автора Письма в Будущее.

Письмо из Москвы

Дорогие друзья!

Очень рада узнать, что у вас, по-моему, все хорошо и очень интересно.

Спасибо за предложение войти в команду «Шхуны ровесников». С удовольствием принимаю его.

В качестве первого «взноса» посылаю песню «Звездопад», написанную в «Орленке» и посвященную «Орленку», который я очень люблю.

Желаю вам счастья, успехов, хорошего творческого настроения.

Всего вам наилучшего!

Александра ПАХМУТОВА

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Вот и настала очередь рассказать об операции «Письма потомкам».

Так, с чего же все-таки она началась? Пожалуй, все же с газеты.

Январским днем 1967 года юные новоросийцы взяли в руки «Новоросийский рабочий», нашли выпуск «Шхуны» и увидели в нем это обращение.

Дорогой друг!

Ты видишь, на нашей странице горит Звезда Гайдара. Понимаешь, почему именно сегодня зажгли мы ее?

Потому, что сегодняшний наш с тобою разговор очень важен. И Звезда Гайдара не может светить равнодушным людям. Сейчас она светит тебе.

Мы жить начинаем в новом году. А год этот — необыкновенный. Ты знаешь чем. Ты хорошо знаешь. Не жить бы нам так счастливо и свободно, если бы не было грозного семнадцатого года.

Твои родные готовят много подарков к юбилею Родины, ее пятидесятилетию.

Ну, а что подаришь Родине ты?

Каким ты видишь себя в далеком 2017 году? Как ты представляешь себе этот год, год столетия Великого Октября? Что хотел бы ты передать и рассказать своим будущим ровесникам, мальчишкам и девочкам двухтысячных годов?

А мы сделаем вот что. Выберем самую высокую гору. И на самой ее вершине положим в землю укрытые от ветра и влаги бумажные листки. Ответы на сегодняшние вопросы «Шхуны ровесников». Письма в будущее. Лишь самые лучшие из них смогут отправиться в путешествие — в год 2017-й.

Договорились? Ну, тогда давай немного потопимся.

Нас впереди ждут Острова Революции.

Нас ждут все океаны Земли.

«ШР»

Прошла неделя, и был у «шхунатиков» необычный палубный сбор. В лесу, у ручья...

Вместе с ребятами из профессионально-технического училища № 7 экипаж «Шхуны» побывал на вершине Сахарной головы. А после все спустились в ущелье.

Там, у костра, и решили создать Штаб по отправке Писем в Будущее; в нем должны быть представители разных городских организаций — горкома партии и горкома комсомола, горно, историко-краеведческого музея, редакции газеты. Войти в штаб должны были и члены команды «ШР».

Выбрали Володю Козловского и Владика Бурухина. (Володя был тогда капитаном, а Владик — его помощником, оба кончали десятый класс.)

Вскоре собрался Штаб.

На нем и приняли самый первый документ. Прочти его внимательно.

Положение о Письмах в Будущее

1. Письмо в 2017 год может написать каждый школьник Новороссийска, пассажир, курсант и член команды «ШР».

2. Письмо должно быть написано простым карандашом или черной тушью (в таком виде лучше сохранится текст).

3. Вопрос об отправке того или иного письма решает Штаб по отправке Писем.

4. Письма в 2017 год следует направлять по адресу: редакция газеты «ШР».

Штаб по отправке Писем
в Будущее.

Рекорд побил 21-я школа. Пришел наш матрос Гена Лашко и принес портфель, битком набитый письмами.

— Сколько же здесь у тебя? — ахнул я.

— Не знаю. Валентин Тимофеевич не сказал, — ответил Гена. — Сейчас пересчитаю!

Оказалось 526!

Тяжелая работа предстояла нашему Штабу.

Но и здесь, как всегда, помогли ребята. Разбирали письма на палубных сборах.

Нелегко было Штабу решить вопрос о месте, где будут храниться послания потомкам.

Предлагали положить письма на Сахарной голове, на Октябрьской площади, затем на набережной у памятника Неизвестному матросу. Но все это казалось слишком обыденным, похожим на все, что уже до нас делалось в других городах.

Потом появилась мысль: положить письма в море.

Но где и как? Просто опустить письма в море, а сверху поставить буй, казалось крайне ненадежным. Пройдет время, каким-нибудь образом буй оторвется — и ищи ветра в поле, то есть письма на дне морском! Нет, это явно не подойдет.

И вдруг удача! Маяк! Лучше всего для нашей цели подойдет маяк. Положить у его основания на дне моря в бетонном кубе-массиве письма, что может быть надежнее? К тому же, опустить не на дно наш массив, а на бетонную постель, на которой стоит и сам маяк...

Так и было решено.

«Письма в Будущее положить у подножия Суджукского маяка, чтобы поднять их со дна моря в 2017 году», — гласил приказ по «Шхуне», утвержденный на вершине Сахарной головы.

Теперь очередь была за капсулой. Какой она должна быть, чтобы за полвека не разрушилась под влиянием морской воды?

Обратились за помощью к специалистам. Инженер-конструктор Новороссийского управления рыболовно-рефрижераторного флота Юрий Владимирович Агте горячо отозвался на просьбу «Шхуны». Он разработал проект капсулы-контейнера. Она должна быть в виде цилиндра.

Рабочие чертежи сделал секретарь комитета комсомола судоремонтного завода Олег Зайковский. Благодаря его энергии и настойчивости капсула-контейнер из винтовой коррозионно-стойкой латуни была изготовлена вовремя. Рабочие-судоремонтники потрудились прекрасно. Ведь знали: работают для потомков!

На вагоноремонтном заводе комсомольцы рамно-тележечного цеха изготовили ящик из нержавеющей стали. И тоже бесплатно, и в нерабочее время.

...Все новые и новые письма приходили в адрес Штаба. Число их перевалило за восемьсот. Но отбирались самые лучшие, такие, из которых можно многое узнать о нашем времени, о городе, о людях, самые искренние, самые теплые...

Но не только письма было решено отправить в ХХІ век.

Ребята отобрали тридцать песен, которые затем утвердил Штаб. «Нежность» Александры Пахмутовой, «Огонь Прометей» Оскара Фельцмана, «Бухенвальдский набат» Вано Мурадели, «Комиссары» Юрия Зарицкого, «Бригантина» Павла Когана, «Сто молний» Михаила Светлова готовились к путешествию в третье тысячелетие.

И было решено послать в Будущее номера центральных газет за 7 ноября 1967 года — день 50-летия Советской власти. Фотографии Новороссийска. Комсомольские значки для ребят, которые будут рождены в Новороссийске 7 ноября 2001 года. И адреса рожденных в Новороссийске 7 ноября 1967 года шести юных граждан.

Вернулся из армии «старый» матрос «Шхуны» Виталий Потемкин. И мы начали разрабатывать программу торжественной закладки писем потомкам в капсулу-контейнер.

Вплотную к этому подключился и горком комсомола. Особенно много помог второй секретарь Виктор Салошенко. И наконец была назначена дата — 24 марта 1968 года.

В кают-компании «Шхуны» всю кипела работа. На столах, на стульях лежали письма, фотографии, магнитные пленки, пластинки, рисунки. Завтра торжественная закладка Писем в капсулу-контейнер, а пока нужно каждое письмо положить в специальный полиэтиленовый конверт и написать тушью его номер и фамилию автора.

Скрипели перья, пахло тушью и синтетическим клеем (обычный клей не подходит, желтеет).

На столе рядом с капсулой лежало четырнадцать коробок из-под кинопленки, покрытых антикоррозийной краской. В них и разместится весь наш драгоценный груз.

В шкафу тоже стояли коробки. Но в них лежала кинопленка, которую нам привез комиссар, — его фильм, посылаемый потомкам.

— Добрый вечер! — сказал, появляясь в дверях кают-компания, худощавый паренек в черном пальто и коричневой фуражке с коротким козырьком.

Это Сережа Остапенко. Только что приехал из Киева.

Никто его, конечно, сразу не узнал. Да и как узнать, если человеку уже шестнадцать. А в фильме «Сказка о Мальчише-Кибальчише» он снимался четыре года назад.

Счастливая у него судьба!

В шесть лет он снялся в фильме «Военная тайна». Играл октябреньку Альку, который и рассказывает сказку о храбром Мальчише-Кибальчише, о Военной Тайне и о твердом слове.

А когда исполнилось двенадцать, пригласили Сережу Остапенко на киностудию (он жил в Киеве). Режиссер Евгений Фирсович сказал, что берет Сергея на роль Мальчиша-Кибальчиша.

Потом было много волнений, и радости. Крымское село Верхне-Садоевое (в нескольких километрах от Бахчисарая), превратившееся в родную деревню Кибальчиша; поселок Судак, у которого снимали битву с буржуинами; невысокий

холм, на котором лежал гордый Мальчиш, погибший, но не выдавший врагам главную Военную Тайну...

А сейчас вот приехал Сережа в Новороссийск, чтобы отправить потомкам свой фильм.

Мальчишу-Кибальчишу сразу же нашлось дело. Он сел переписывать тушью письмо от Штаба по отправке Писем в Будущее.

Разошлись в час ночи...

Утром встретились снова. Но уже во Дворце культуры моряков. Никогда я не видел здесь столько людей. У всех чувствовалось приподнятое настроение. Особенно у экипажа «Шхуны».

Отдавал последние распоряжения «главный режиссер» Виталий Потемкин, носились по этажам «шхунатики». Несколько человек стояло у входа во дворец и проверяли пригласительные билеты в виде солдатского письма-треугольника.

Десять часов. Кажется, все уже в сборе, и капсулу привезли и письма.

Потемкин дает знак, оркестр начинает играть «Новороссийские куранты».

Зал переполнен. На сцене занимают места члены Штаба по отправке Писем. Взгляды всех устремлены на правую сторону сцены, где на возвышении сияет под светом прожекторов латунная капсула-контейнер.

Сдан рапорт первому секретарю горкома комсомола Николаю Хворостянскому. Он разрешает начать торжество.

Звучит музыка. В зал вносят специальный ящик, в котором лежат все документы и материалы. Нашим матросам Сереже Атрохову и Вите Буравкину идти нелегко через зал под рукоплескания и жужжание кинокамер. Но они идут, твердо чеканя шаг.

Письма и документы — на сцене.

Николай Хворостянский зачитывает письмо от штурмана «Шхуны», письмо номер один. И первым опускает его в капсулу-контейнер, у которой стоит почетный караул.

Следом за секретарем горкома комсомола Николаем Хворостянским мальчишки и девчонки опускают в капсулу, отправляют в двадцать первый век свои письма, свои самые заветные мысли...

В первом ряду нахожу взглядом Сережу Остапенко. Он кивает и, осторожно встав, идет к боковой двери. У него еще есть пять минут.

Вот бежит по сцене маленькая девочка в белом платице. Аллочке Корниенко всего три года, и дед написал за нее письмо. А она лишь приложила к нему ладошку.

Отправляют в будущее свои письма ветераны революции, гражданской и Великой Отечественной войн Владимир Иванович Бойко, Иван Иванович Корышев, Елена Ивановна Остапенко, Семен Тимофеевич Григорьев, Виктор Сергеевич Иванов.

Второй секретарь горкома комсомола Виктор Салошенко опускает пленки и пластинки с лучшими песнями советских композиторов.

Уходит в Будущее и звуковое письмо в ХХІ век от Юрия Борисовича Левитана, нашего глашатая.

На сцене — ребята из Феодосии. Они дарят потомкам уникальный рисунок — подлинный рисунок пионера-героя Виктора Коробкова. Смелый партизанский разведчик был расстрелян гитлеровцами 9 марта 1944 года...

Выступают наши гости из подросткового клуба «Орион» подмосковного города Щелково, из школы № 132 Харькова.

Приехали в Новороссийск и «пилигримы». От имени туапсинских ребят Саша Дубинский отправляет письмо потомкам...

На сцену поднимается русоголовый парнишка в кумачовой рубашке-косоворотке. Сережа смущенно улыбается. Быть в роли Мальчиша-Кибальчиша на экране одно дело, в жизни — другое.

Под звуки оркестра Сергей опускает в капсулу блестящие коробки с пленкой.

Потемкин, сидящий рядом, делает киномеханику знак рукой. Мгновенно гаснет свет. Распахивается занавес.

Призывно ударили барабаны, красные всадники с остроконечными саблями помчались через экран. И снова звал в бой, и умирал, и уходил в бессмертие гордый, смелый Мальчиш-Кибальчиш.

Вечный, как Родина. Вечный, как Революция...

Вспыхивает свет. И наступает минута, которую все ждали. В торжественной тишине секретарь комитета комсомола треста Новороссийскморстрой Виктор Новик завинчивает капсулу-контейнер...

ИЗ ЛОЦИИ ПЛАВАНИЯ «ШХУНЫ РОВЕСНИКОВ»

Море Жюль Верна

Море Жюль Верна — море отважных чудаков романтиков, которые мечтают о далеких синих звездах, о неведомых странах, о черных безднах морского дна.

Они не зря поселились на берегах этого моря: оно, как и чудаки романтики, беспокойное, бурное и непокорное. 364 дня в году море штормит, волнуется, кипит и замирает 31 августа в день Мечтателей-Романтиков. В этот день оно ажурными складками застывает у подножия скалы Жюль Верна.

Море лежит на широте Романтики и пересекается экватором Необычайных Приключений. Оно омывает берега островов Революции, где образует залив Матиаса Шандора. Берега залива круто обрываются в море, переходя в рифы Капитана Немо, преграждающие вход в бухту Опасностей бригаментам Скитаний.

В северной части моря на меридиане Мечты расположен архипелаг Наутилус, где образовалась бухта Мери. В сорока милях от архипелага под параллелью Трусости расположен остров Изгнания. На него ссылают тех, кто предал Мечту, изменил Романтике, трусил перед Бурей.

Море Жюль Верна очень опасно для плавания. Оно имеет мели и подводные скалы. Наибольшая глубина 80 000 метров.

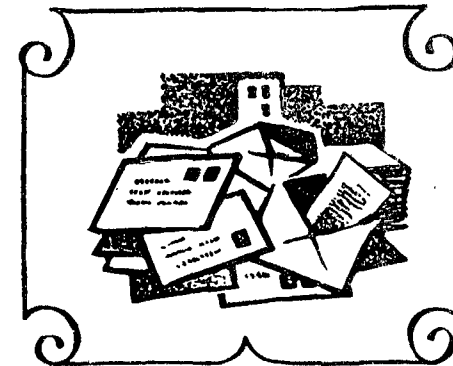
На шестидесятом градусе северной широты образовалась мель Поражений, где застревают малодушные.

Капитаны! Только Отважные и Сильные смогут обойти мель и попасть в течение Пылливости!

Между рифами Капитана Немо и архипелагом Наутилус лежит остров Непокорный. На его берегу, у входа в бухту Скитаний, возвышается маяк Капитана Гранта. Сквозь ураган, дождь и снег светит он Нстойчивым и Пытливым, Смелым и Упрямым, указывая курс на флаг Отважных Капитанов.

В гавани этого острова вы найдете карту Необычайных Путешествий. Выбирайте любой маршрут! В путь, капитаны!

ОТ ФЛАГ-ШТУРМАНА. Это море самое северное на карте плавания «Шхуны». А на самом деле — северная часть Черного моря. И маяк Капитана Гранта носит на карте Черного моря совершенно другое название — Дообский маяк. Он светит кораблям, выходящим из Новороссийской бухты в открытое море.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, КОТОРУЮ ПРОЧТУТ НАШИ ПОТОМКИ

Писем было очень много — 894! А в Будущее отправились только сорок.

Прочитай некоторые из них.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

*От члена КПСС с 1931 года,
Героя Советского Союза,
заслуженного летчика-испытателя СССР
Константина Константиновича КОККИНАКИ*

Дорогие девочки и мальчишки, дорогие внуки и правнуки! Примите привет от нас, дедов и прадедов. Мы завоевали власть Советов, мы ее отстаивали в суровые годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Мне, как штурману «Шхуны ровесников», представляется отчетливо курс нашей жизни, нашей истории.

Вы в год столетия первой пролетарской революции не сможете себе даже представить, что было сто лет назад.

Попросите, ребята, старших товарищей, пусть вам, дорогие друзья, они расскажут о всей несправедливости, существ-

вовавшей у нас до 1917 года. Пусть расскажут о горе, о голоде, об унижении человека.

Как бы мне хотелось в 2017 году при вскрытии этих писем быть среди вас! Порадоваться за ваше счастье, быть счастливым за тех, кто отдал жизнь ради будущего, а главное рассказать, что было сделано для того, чтобы сейчас у вас, в 2017-м, можно было жить счастливо.

Мы, новороссийцы XX века, любим свой город и свою Родину.

Я родился и вырос в трудовой многочисленной семье железнодорожника.

Нас было шесть братьев и одна сестра. Пятеро из нас ушли в авиацию.

Владимир — дважды Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, участник Великой Отечественной войны.

Константин — Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, участник Великой Отечественной войны.

Александр — летчик, погиб на фронте в 1941 году при выполнении боевого задания.

Валентин — всю войну провоевал летчиком-штурмовиком, а после был летчиком-испытателем. Погиб при выполнении испытательного полета в 1955 году.

Павел — бортиженер по испытанию самолетов.

Жорж — инвалид гражданской войны, завоевывал власть Советов.

Татьяна — пенсионерка, работала в пограничных войсках. Сражалась на фронтах Великой Отечественной войны...

Дорогие потомки! Милые девочки и мальчишки 2017 года, XXI века! Желаю вам и вашей смене великих открытий на счастье человека.

Я, штурман «Шхуны ровесников», вам намечаю и предлагаю держать такой прекрасный курс. Курс на радость и счастье людей!

С уважением к вам, друзья молодые XXI века.

Ваш

К. КОККИНАКИ.

XX век

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

ОТ УЧАЩИХСЯ НОВОРОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ № 12

Двенадцатилетние 2017 года! Здравствуйте!

Мы разговариваем с вами сквозь пятидесятилетие как ровесники.

В год пятидесятой годовщины Великого Октября мы учимся в 6-м классе 12-й школы. Мы живем интересной жизнью. Мы свидетели величайших событий. Мы видим, слушаем тех, кого вам не суждено увидеть.

22 октября 1967 года мы по русскому обычаю угощали чаем с пирогами дорогих гостей — участников революции и гражданской войны. Затаив дыхание слушали рассказы Василия Ивановича Лопуки и Марии Георгиевны Бобрук.

Нам запали в душу слова Федора Михайловича Посылкина, который в гражданскую войну был комиссаром дивизии. Он пожелал нам хорошо, в полном составе закончить 10 классов и дальше «работать, учась, и учиться, работая».

«Есть две дороги, — сказали нам гости, — горения и тления».

Мы выбираем дорогу горения.

Был среди наших гостей Михаил Григорьевич Гасаненко — участник восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 году. Михаилу Григорьевичу 87 лет, у него седая голова, внушительные усы и мужественный профиль. В его комнате на почетном месте лежит старая, выдавшая виды бескозырка с надписью «Черноморский флот».

В 2017 году нам будет 62 года. Вы пригласите нас на пионерский сбор, посвященный 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и мы расскажем вам подробно, как интересно живем мы сегодня в наше время.

С пионерским приветом по поручению класса

Галя КАЛЬНИЦКАЯ, Сережа КУЧЕРЕНКО

ПИСЬМО ДВЕСТИ ВТОРОЕ

от Анатолия МАСАЛОВА, 1926 года рождения,
партизана отряда «За Родину»,
заброшенного 16 октября 1942 года
в тыл врага
и не вернувшегося из разведки

...Вчера вечером меня зачем-то вызвали к командиру. Мимо землянок, мимо костра шел я к штабу.

Меня часто вызывали туда. То надо было отвезти пакет, то нашу партизанскую газету в соседний отряд. Получив приказ, седлал я свою маленькую лошадку и скакал по горным дорогам.

Особенно мне нравилось развозить газеты. Они так хорошо пахнут... Возьмешь одну, пальцем проведешь, палец черным делается. Краска свежая. Только-только с машины. И новости самые-самые свежие: приняли по радио...

Один раз послали меня даже в разведку. Вот ребята завидовали! А я целый день ходил гордый. Еще бы!

Неужели и сейчас в разведку?

— Нужно в городе узнать расположение вражеских частей, их огневые точки. Мы решили послать тебя! — сказал командир и положил мне руку на плечо.

— Не подведу я, товарищ командир! — пообещал я.

— А теперь иди, готовься, сероглазый. Скоро позову.

Я вышел из штаба и побежал к своей землянке.

У входа столкнулся с Женькой. Мы когда-то жили в одном дворе. Парень он был задиристый. Но я взял его в оборот, и теперь он никого не обижает. Вежливым стал.

— Послушай, Женька, я ухожу в разведку.

— Ух ты, не может быть! — не поверил он.

— Честное комсомольское!

— Вот повезло! Эх, взяли бы меня!

— Послушай, Женя, к тебе просьба: пока меня не будет, посмотри за моим Гнедым.

Он с радостью согласился. Потом я передал Жене на хранение свое оружие — пистолет и карабин.

— Но смотри: что случится — шею намылю!

— Да уж знаю! — усмехнулся он.

Счастливый Женя побежал кормить коня, а я зашел в землянку готовиться к разведке. Надел старый, потрепан-

ный пиджак, дырявую рубашку, рваные брюки и, присев на лежак, стал надевать старые-престарые, стоптанные до пят-ток башмаки.

Почему-то вдруг вспомнился давний случай, из самого детства. Не знаю, что на меня нашло...

Мы — у бабушки на елке. Вокруг все так красиво. Елка блестит и переливается всеми цветами, как рыба блестит своей чешуей на солнце. А мы все веселые, поем, пляшем вокруг елки, бабушка счастливыми глазами смотрит на нас...

Потом вспомнилась школа... Началась война, и я пошел учиться в ремесленное на токаря, надо было помогать фронту...

Досрочно закончил училище, пошел работать на вагоно-ремонтный завод. Я понимал, что приношу Родине пользу, но хотелось бы в бой! А на фронт не брали. Говорили, что еще мал.

А потом наш завод эвакуировался на восток. К городу подходили немцы. Когда теплоход «Тракторист» снялся в последний рейс, я вдруг решил остаться. Фронт близко, и меня наверняка возьмут с собой в солдаты! А если не на фронт, то пойду в партизаны.

— Куда ты? — громко закричал кто-то.

Меня могли задержать и поэтому я оттолкнулся посильней и полетел прямо на причал. Три раза перекувыркнулся и чуть не сломал шею, но все обошлось благополучно. Только после этого «полета» два дня хромал на правую ногу — сильно ударился. Но стоило ли обращать внимание на такие пустяки!

Город встретил меня непривычной пустотой. За все время пока добирался домой, встретил только двух человек. Когда вошел, дома был отец. Он собирал нужные ему документы. Отправить меня он никуда не мог, потому что я должен был уехать последним рейсом. А ругать пусть ругает!

А потом мы с отцом участвовали в уличных боях. Какой-то здоровенный моряк протянул мне карабин убитого и сказал:

— На, держи! — А потом добавил: — Солдат...

Потом я заметил, что какой-то рыжий, длинный как жердь фашист перебежал дорогу и скрылся в подезде соседнего дома. А вскоре автоматные очереди раздалились с чердака. Я подбежал к командиру и рассказал о том, что видел.

Через несколько минут бойцы вскочили в тот же подезд, где исчез немец. Прошло минут пять, и стрельба прекратилась. Фашиста вывели со связанными руками.

Матрос сказал, обращаясь ко мне:

— Спасибо, брат, помог нам. Крупную птицу поймали. Капитан войск СС.

Фашиста увели, а мы с отцом пошли к кораблям. Оттуда нас переправили в Геленджик, а из Геленджика мы горами прошли в расположение партизанского отряда «За Родину».

Так я стал партизаном.

— Масалов Толя, к командиру!

Я шел в разведку...

(Письмо за погибшего юного партизана написано матросом «ШР» Геннадием Лашко и заверено подписью отца Анатолия, бывшего редактора газеты «Новороссийский партизан» Семёна Ивановича Масалова.)

ПИСЬМО ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ

от восьмиклассницы
Новороссийской школы № 3
Наташи ВЕРВИЦКОЙ

Безмятежное голубое небо сливается на горизонте с яркосиним морем, под ногами шуршат листья, белокрылые чайки смело режут прозрачный воздух, и над бухтой несется их радостный крик. Как исполин, смотрит бронзовый Неизвестный матрос на мой родной город, по-осеннему чистый и золотой.

Я верю, что этот памятник будет вызывать чувство благодарности и у вас, наши потомки, благодарности за вашу прекрасную, радостную жизнь. Этот памятник делает близкими и понятными тех людей, которые защищали Новоросийск во время Великой Отечественной войны.

Могучие советские люди (такими я представляла себе в детстве богатырей, мудрых и отважных) стояли насмерть за каждый клочок земли. Там каждый был героем, потому что в победе есть подвиг, кровь, страдания каждого воина. Осенью к нам в город приезжают защитники Новоросийска, и многие из них хранят матросские форменки с дырочками от пуль.

Я благодарна Неизвестному матросу за наш сегодняшний

возрожденный Новоросийск, за Новоросийск — город будущего, ваш город, еще такой далекий от меня.

В 2017 году кто-то вот такой чудной, золотой осенью подойдет к памятнику. И я прошу, очень прошу вас, вспомните, что за Неизвестным матросом стоят сотни защитников города.

Я знаю, вы, ребята будущего, будете завидовать нашему поколению, как завидуем мы нашим отцам и дедам. Но ведь каждому поколению достаются трудные задачи.

Молодежь двадцатых годов делала с отцами Революцию.

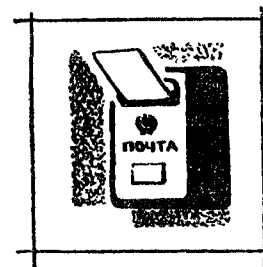
Ребятам тридцатых — сороковых годов досталось трудное время. Павел Коган, поэт, погибший в боях за Новоросийск, писал:

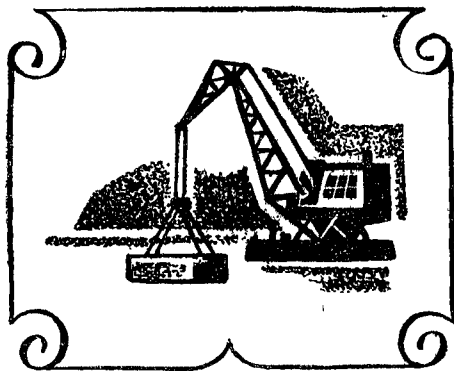
«Мое поколение —
это зубы сожми
и работай,
Мое поколение —
это пулю прими
и рухни...»

А потом послевоенные мальчишки и девчонки завидовали старшим, а сами возводили заводы, осваивали Сибирь, первые выходили в космос. Я не знаю, что выпадет на долю моего поколения, знаю только — трудное и большое.

И я клянусь: отдам все силы во имя вашего большого и прекрасного будущего.

Н. ВЕРВИЦКАЯ
7 ноября 1967 года.

ГЛАВА
ДВАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ГОТОВИЛИ ПИСЬМА
К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ПУТИ И ПОСЛАЛИ ИХ
В XXI ВЕК

Думаешь, на этом все и кончилось? Письма в капсуле, и теперь ее можно отправлять на дно моря? Ошибаешься! Предстояло еще очень много работы.

Два дня почти не уходили домой ребята «Шхуны». С утра до полуночи готовили они в своей кают-компании драгоценные материалы в дальнюю дорогу. Ведь письма должны дойти до своего адресата, а поэтому каждое из них надо специально подготовить.

Тщательно были заклеены все письма, в конверты вложены снимки авторов. Фотографии переложены папиросной бумагой, рисунки завернуты в целлофан.

Восемь частей фильма «Сказка о Мальчише-Кибальчише» ребята уложили в специально подготовленные полиэтиленовые мешки.

На дно капсулы-контейнера положили марлевый мешок с влагопоглощающими кристаллами.

И стали укладывать в капсулу все коробки. На самый низ — восемь коробок — кинофильм. В шести коробках раз-

местили остальное. В самой верхней — письмо от Штаба, письма ветеранов революции, гражданской и Великой Отечественной войн. В других магнитные пленки и пластинки с песнями, с письмами школьников.

...Утром 29 марта капсулу-контейнер доставили на судоремонтный завод Новороссийского морского пароходства.

Рабочий докового цеха Павел Федорович Ковалев залил эпоксидной смолой капсулу, уложенную в ящик из нержавеющей стали.

Густая прозрачная масса янтарного цвета заполнила всю пустоту ящика. Через несколько часов смола застынет, и перед морской водой, если она вдруг сможет просочиться к капсуле за пятьдесят лет, станет еще один непроходимый барьер.

Оксана Чайка, школьница из Киева, положила в смолу ветку цветущей яблони.

Ящик закрыли сверху крышкой, закрутили болты.

Теперь путь посылки в 2017 год — на завод «Стройдеталь» треста «Новороссийскморстрой». Здесь уже приготовлена деревянная опалубка для 15-тонного бетонного массива.

— Бетон — гидротехнический, марка его «400»! — говорит секретарь комитета комсомола Виктор Новик. — Схватит крепко. Сможет выстоять больше, чем полвека...

Лучшим рабочим завода «Стройдеталь» доверяется изготовить бетонный массив. Анатолий Чернышов, арматурщик-бетонщик и Алексей Павлович Борисов, бригадир бетонщиков, укладывают ящик с капсулой в центре будущего массива.

Стрела крана легко подалась вперед. Хлынул бетон.

Бросаем в него монетки. На счастье. До встречи в год столетия Октября!

Бетон заполнил опалубку до края, неровности разравняются.

И на сером, еще дышащем бетоне, Галя Яровая, корабельный художник «Шхуны ровесников», выводит:

1967—2017

ВАМ, ПОТОМКИ!

Застывают на массиве буквы...

Вначале ждали, когда затвердеет бетон.

Потом — когда будет хорошая погода.

И настало 7 апреля 1968 года.

Теплое, солнечное воскресенье. Праздничные, сияющие лица мальчишек и девчонок.

На набережной у морского вокзала играет духовой оркестр. У катеров толпятся ребята.

Договариваюсь с секретарем горкома комсомола Виктором Салошенко о времени начала митинга. И спешу на плавучий кран № 24.

Кран стоит у причала, слегка покачиваясь на волнах. А рядом пыхтит буксир.

Низко нагнулась стрела крана — к самой палубе, где лежит пятнадцатитонный массив. Самый необычный из всех, которые перевозил за свой долгий рабочий век плавучий кран № 24.

Задвигались якорные цепи, с грохотом поднялся якорь. Белые буруны вскипели за бортом буксира. И с его помощью медленно отходит от берега могучая неуклюжая машина крана.

С удивлением встречаю на палубе Гену Лашко.

— Ты чего здесь? На катере быстрее добрался бы...

— А мне хотелось на кране...

Как не понять Генку! Ведь там, за толстыми стенами бетона, стали, эпоксидной смолы и латуни, лежит и его письмо, написанное за погибшего партизана Толю Масалова...

Ходит у массива Виктор Новик. Его руками заворачивалась капсула, под его руководством изготавливался массив...

Проплывает по правому борту город. Набережная, скверы... Площадь Героев с Вечным огнем, памятник Неизвестному матросу. Весь Новороссийск как на ладони.

Миновали мол. А впереди, прямо по курсу — Суджукский маяк.

В 11.45 кран подходит к Суджукскому маяку. И со всех сторон спешат к нему катера, украшенные праздничными флагами. На них ветераны, школьники, члены команды «Шхуны», авторы Писем в Будущее.

В 12.00 бетонный массив касается воды Черного моря. На дно опускается водолаз.

Открывается митинг. Торжественно звучит здесь, в открытом море, Гимн Советского Союза. Блики волн отражаются в серебряных трубах юных оркестрантов.

Говорит секретарь горкома комсомола Виктор Салошенко, директор историко-краеведческого музея Евгения Макаровна Засыпкина...

12.15 московского времени. Старший механик плавучего крана Лев Григорьевич Гордиенко опускает массив на дно моря. В воздух взлетают ракеты. Салют.

Зачитываются телеграммы, поступившие в адрес участников торжества.

Телеграмма

Дорогие друзья! В день погружения капсулы времени, думаю о нашей прекрасной жизни, полной интересных свершений. Хочу пожелать всем вам больших творческих дерзаний во славу нашей Родины.

Старший механик Оскар Фельцман

Телеграмма

Всей душой я с вами в этот исторический день! Верю: люди завтрашнего дня будут гордиться молодежью сегодняшнего времени. Романтикам и мечтателям — паруса, полные ветра!

Комиссар Евгений Шерстобитов

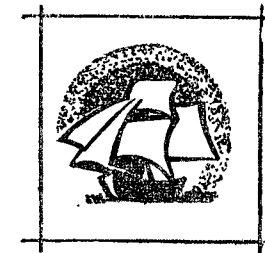
Взрывом аплодисментов встречены добрые пожелания.

А из воды уже выходит водолаз. На дне моря Трофим Григорьевич Любимский уложил массив с капсулой на бетонную постель у маяка.

Водолазу помогают снять шлем. И на Трофима Григорьевича, только что доставившего на место заветный груз, вместе с обжигающим солнечным светом обрушивается шквал рукоплесканий...

Объявляются координаты капсулы-контейнера. Сорок четыре градуса тридцать девять минут восемь секунд северной широты и тридцать семь градусов сорок девять минут пять секунд восточной долготы.

Призывно звучат гудки катеров, приветствуя и прощаясь...

Слово флаг-штурмана

...Есть у меня мечта. Чтобы когда-нибудь в корабельных лоциях Черного моря было написано:

«Входя в Новороссийскую (Цемесскую) бухту, держите курс на г. Сахарная голова (ориентир — красный флаг на вершине)».

И чтобы седые капитаны послушно сверяли путь огромных океанских кораблей по маленькой красной дрожащей точке.

Как по маяку. Как сверяют свой курс по Суджукскому маяку, у подножия которого лежат наши Письма в Будущее.

А для этого «Шхуна» должна жить долго, очень долго. Чтобы не был подвластен времени и Морским Регистрам ее белоснежный корпус. Чтобы не зарастал ракушками острый киль и не точил морской червь деревянную обшивку.

Чтобы команда ее, веселая и беспокойная, задорная и работающая, отважно вела свой корабль по синим морям, к неизведанным островам, открывая новые проливы и земли, чтобы больше всего боялась она сесть на мель Скуки и рифы Равнодушия...

Десятый год уже плавает наша «Шхуна». Сколько замечательного встретила она на своем пути! Учила ребят самому главному: как стать людьми, которым все интересно, которым до всего есть дело. «Жить интересами комсомола, города, страны» — так записано в Уставе «ШР» на самой первой его странице.

А сколько ребят побывали на борту «Шхуны», участвуя в палубных сборах, операциях!

Самые первые, те, что строили «Шхуну», сочиняли лоцию, заполняли судовые журналы, рисовали карты, писали стихи и рассказы, заметки и информации? Где они сейчас? Что с ними?

Не сидят ли на атолле Уныния, не заброшены ли на необитаемый остров Потерявших Мечту?

Нет.

Ярко горит огонь берегового маяка «Шхуны». На нем наши «старички», поступившие в институты и уехавшие из Новороссийска.

Пройдет несколько лет, разъедутся на работу в разные края «шхунатики» и станут Таня Прокопенко, Наташа Бондарева, Ира Кривошеина, Нина Петренко журналистами; Володя Хачатуров, Лида Сухорукова, Володя Ещенко, Люда Гринкевич — педагогами; Сережа Голубев и Наташа Лазарева — архитекторами; Сережа Атрохов — юристом; Гена Шкильнюк — врачом; Надя Черная — композитором; Сережа Остапенко, Наташа Боброва, Люда Жувакина, Женя Васильченко, Гена Петросян, Надя Лучко — инженерами... Не уезжали из Новороссийска Володя Карчурьян, Алеша Сивачук, Витя Буравкин. Они работают. Кто в морском порту, кто на судоремонтном заводе. Но «ШР» не забывают, приходят на палубные сборы, и часто помогают и словом, и делом.

А на «Шхуне» — новая команда.

И новые заботы у капитана-наставника.

Да, я теперь — флаг-штурман...

Слушай, ну как тебе, понравилась «Шхуна»? Хотел бы ты, чтобы и в твоём городе или селе был такой же клуб?

Мне бы очень хотелось.

А еще больше, чтобы ты сам взялся за его организацию. Знаешь, как это здорово — доставлять другим радость и чувствовать себя нужным людям!

И пусть придуманный тобою клуб (команда, экипаж, батальон, бригада) и не будет морским, все равно мы — матросы с одного корабля.

И я буду очень рад узнать, как идут у тебя дела. И, может быть, мы даже с тобой когда-нибудь встретимся. Ведь так славно поговорить о безбрежных морях, солнечных расветах! Я это люблю, без этого не мыслю жизни... Кто это сказал, что мы — сухопутные моряки?

Наверное, лишь тот, кто не верит в наши лоции и наши карты, кто привык жить по раз установленным законам и никогда не вставал в час ночи, чтобы увидеть восход солнца.

Мне ужасно жалко таких людей, особенно если нет им еще и пятнадцати...

А теперь давай попрощаемся с нашей «Шхуной» и скажем древнее напутствие всех мореходов:

— Счастливого плавания! Три фута чистой воды под килем!

Видишь, каким трепетным алым светом горят ее паруса?

Знакомьтесь:

АВТОРЫ ЛОЦИИ ПЛАВАНИЯ «ШХУНЫ РОВЕСНИКОВ»

Это те «шхунатики», которые сочинили руководство для будущих мореплавателей. Ты читал их строки на страницах этой книги. Но знай имена тех ребят, кто решил помочь тебе.

Вот кто написал лощи, прочитанные тобой:

БУХТА МЕЧТЫ — НАТАША БОНДАРЕВА,
МОРЕ ПРЕЗРЕВШИХ ПОКОЙ — ВАЛЕРИЙ НЕСМЕЛОВ,
АТОЛЛ ОРЛЕНОК — ВОЛОДЯ КОЗЛОВСКИЙ,
МОРЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА — ЗОЯ СКАРЕДИНА.

Послесловие

Книга, которую ты, юный друг, прочел сейчас, не совсем обычна. Это — не выдумка автора, это — рассказ об увлекательных делах твоих сверстников.

В городе у Черного моря живут они. В славном, боевом городе, на знамя которого 7 сентября 1974 года Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев рядом с орденом Отечественной войны I степени прикрепил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Городом-героем стал Новороссийск. За мужество и героизм, проявленные трудящимися Новороссийска и воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны, высокой награды удостоила его Родина.

Свято чтят юные новороссийцы, курсанты, матросы и капитаны «Шхуны ровесников» традиции отцов и дедов, добывших славу Отчизне и своему городу.

Ты окунулся сейчас в их кипучую жизнь. Вместе со «шхунатиками» поднимался на Сахарную голову, чтобы выпить глоток соленой морской воды и поднять алое полотнище флага-памятника, вместе с ними торжественно провожал бескозырку и исходил весь город в поисках людей, знавших Витю Новицкого, вместе со «Шхуной» встречал рассвет на Холме Верности Родине...

А «шхунатики» снова в пути. Стоять на месте — не в их обычае. У них новые дела, новые операции, новые друзья.

О «Шхуне» знают во многих уголках нашей огромной страны. Не только знают, но и хотят перенять ее опыт, обратиться за советом.

Недавно получили новороссийцы письмо. Обратный адрес был прост: «Камчатка, остров Беринга, школа-интернат». «Мы хотим создать у себя форпост «ШР», — написали ребята с Командорских островов. Конечно, сразу же им было послано предложение провести совместную операцию. Ведь двенадцать тысяч километров в этом совсем не меха...

И так всегда и во всем. Без творчества нельзя представить «Шхуну». И нам, старшим членам ее экипажа, очень

радостно, что наши юные друзья активно вмешиваются в жизнь. Работая под руководством Новороссийского городского комитета ВЛКСМ, «Шхуна ровесников» стала своеобразным методическим центром военно-патриотических дел комсомольской организации города-героя.

А это обязывает ко многому. И прежде всего не замыкаться в собственных интересах, шире смотреть на мир, ясно знать свое место в жизни, расти бойцами.

Растить бойцов за дело Ленина, дело партии! Вот одна из важнейших задач «Шхуны». И с этим, надо сказать, экипаж нашего корабля справляется успешно.

Говорю «нашего», потому что я давно уже «плаваю» вместе с ребятами на их необычном корабле, так же, как Александра Николаевна Пахмутова, Юрий Борисович Левитан, Константин Константинович Коккинаки...

Неважно, сколько тебе лет — пятнадцать или семьдесят. Столько задора и энергии у «шхунатиков», что они могут увлечь кого угодно...

Мне кажется, что и ты, прочитав эту книгу, не остался равнодушным. Ведь путешествие, которое автор предложил совершить тебе, было интересным и познавательным, а спутниками в нем стали твои ровесники, герои этой книги.

И может быть, то, что придумали новороссийские ребята, понравилось тебе и ты захотел сделать то же, что и они?

А это значит, что ты — такой же, как и они, неутомимый романтик, а это значит, что ты не зря прочел сейчас эту книгу.

Г. Н. ХОЛОСТЯКОВ,

Герой Советского Союза, вице-адмирал,
адмирал-наставник «Шхуны ровесников».

3342-й день плавания «ШР»,
параллель Фантазии.

Оглавление

Приглашение к путешествию	5
Глава первая, немного таинственная	8
Глава вторая, объясняющая, куда мы шли	13
Глава третья о нелегкой судьбе старшего матроса Лебедсва	21
Глава четвертая, согретая крымским солнцем	25
Глава пятая, зовущая на палубный сбор	31
Глава шестая, как выбирают капитанов	39
Глава седьмая о том, чего не знали жители дома по улице Московской	47
Глава восьмая не только для любителей кино	54
Глава девятая, как «шхунатики» помогли городу	61
Глава десятая, о чем рассказал экс-капитан	66
Глава одиннадцатая, повествующая о приключениях одного «шхунатика»	71
Глава двенадцатая о плавании на параллели Фантазии	74
Глава тринадцатая о поиске, который вела «Шхуна»	79
Глава четырнадцатая, «Красные тюльпаны» и «Порох и розы»	84
Глава пятнадцатая, из которой можно узнать про случай на перевале	88
Глава шестнадцатая — деловое предложение читателю	93
Глава семнадцатая, пропавшая дымом костра	96
Глава восемнадцатая для третьего тысячелетия	102
Глава девятнадцатая, которую прочтут наши потомки	111
Глава двадцатая о том, как готовили Письма к дальней- шему пути и послали их в ХХІ век	118
Слово флаг-штурмана	122
Послесловие	125

Для среднего возраста

Константин Иванович Подыма

**СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ,
«ШХУНА РОВЕСНИКОВ»!**

Ответственный редактор *М. С. Ефимова*.
Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*.
Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Кор-
ректоры *З. В. Зайцева* и *К. И. Каревская*.
Сдано в набор 27/VIII 1974 г. Подписано
к печати 9/I 1975 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бум. типогр. № 2. Печ. л. 8. Усл. печ.
л. 7,44. Уч.-изд. л. 5,91. Тираж 100 000 экз.
A03603. Заказ № 3342. Цена 32 коп. Орде-
на Трудового Красного Знамени издатель-
ство «Детская литература». Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская кни-
га» № 1 Росглавополиграфпрома Государ-
ственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. Москва, Сущевский
вал, 49.

Подыма К. И.

П44 Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»!
Документальная повесть. Оформл. Е. Скакальско-
го. М., «Дет. лит.», 1975.

127 с. с ил.

Книга об интересной романтической жизни молодежного клуба
«Шхуна ровесников» в Новороссийске.

П $\frac{70803-220}{M101(03)75}$ 306—75

1